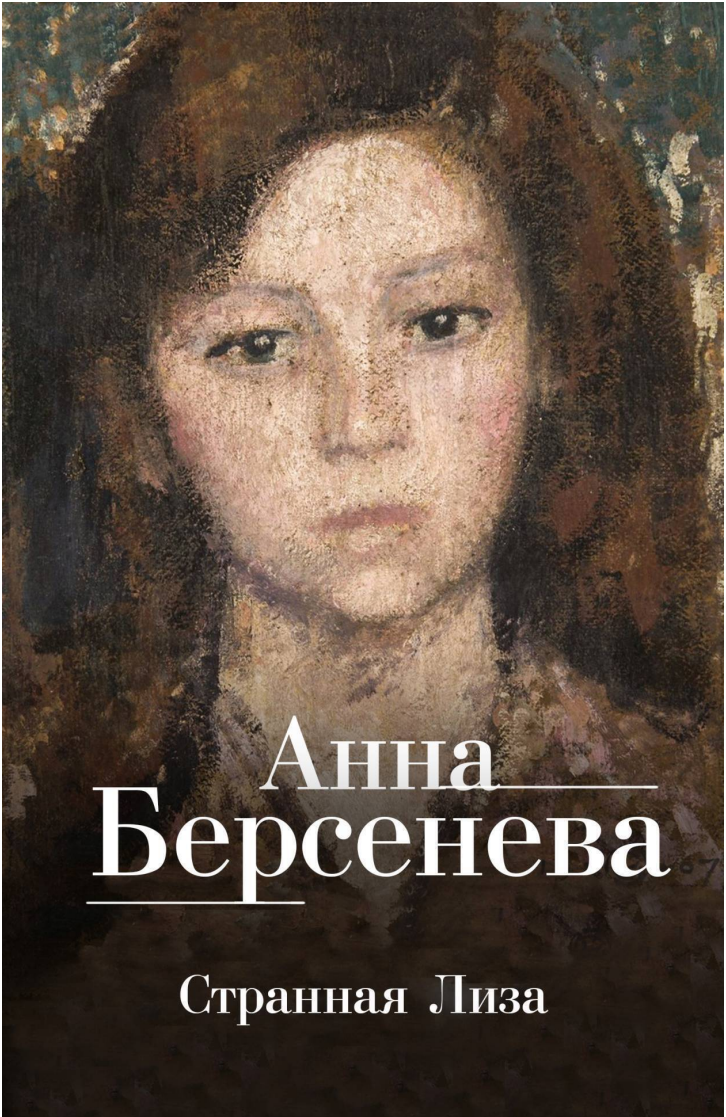

Анна Берсенева

Странная Лиза

Анна Берсенева
Странная Лиза
Серия «Дилогия «Ядовитые цветы»», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125291
Берсенева А. Ядовитые цветы: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19850-4

Аннотация

Лиза Успенская приезжает в Москву как настоящая провинциальная Золушка. Мегаполис ошеломляет ее, меняет все ее представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Угадать свою судьбу в минуты растерянности и смятения чувств очень непросто… Может быть, «нефтяной король», с которым Лиза знакомится случайно, это и есть ее долгожданный прекрасный принц? Или правду говорят, что счастье вовсе не в богатстве?..

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 28
Глава 3 67
Глава 4 101
Глава 5 128
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Анна Берсенева
Странная Лиза

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книги так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

(Анна Берсенева)

Часть первая

Глава 1

Николай вышагивал по платформе Белорусского вокзала, держа в руке букет бело-розовых тюльпанов. Он не рассчитал, приехал задолго до прихода поезда и теперь сердился на себя за впустую идущее время. Правда, утро чудесное, в каждой луже сверкает солнце, и полузабытое чувство молодой бодрости переполняет грудь. Но все равно – Николай Успенский не любил вокзалов, их суета казалась ему тревожной. Скорее бы встретить сестру, не опоздать бы на работу, и в новой квартире столько дел, да еще накануне Наташиного отъезда, да еще Маринка заболела… Как хорошо, что Лиза приезжает, просто представить невозможно, как они выкрутились бы иначе!

Ага, вот наконец и голос в динамике: прибывает поезд. Замелькали, замедляясь, вагоны; лавируя меж людьми, Николай побежал вдоль перрона к седьмому.

Он сразу увидел сестру. Она стояла прямо в тамбуре, и Николай обрадовался выражению ее юного лица: большие зеленоватые глаза широко распахнуты, даже издалека видно, как удивленно и восторженно они смотрят и на плывущий перрон, и на брата, бегущего с цветами по платформе. Не

меняется Лиза, вот и отлично! Когда он видел ее последний раз – год назад, наверное, не меньше?

– Лизушка, дорогая, наконец-то!

Лиза спрыгнула с подножки и обняла брата. Глаза ее светились, и казалось, что светится сам ее голос. Даже сейчас, в вокзальном шуме, Николай расслышал, как соединяются в голосе сестры знакомые удивленные интонации и какие-то новые, взрослые нотки девического очарования.

– А мы ведь опоздали, давно ты ждешь, Коля? Ой, цветы какие красивые! Представляешь, там авария под Смоленском, ужас, перед нами поезд чуть с рельсов не сошел, все живы, все хорошо, но мы чуть ли не полночи стояли, еле нагнали потом! А что с Маринкой?

Николай улыбнулся. Лиза похожа на мать, так же говорит обо всем одновременно. Он любил сестру – с тех давних лет, когда она, пятилетняя, крепенькая как грибочек девочка со светлой косичкой просилась пойти с ним на «Трех мушкетеров» в летний кинотеатр, а он сердился, что придется возиться с малявкой, но всегда брал с собой, несмотря на насмешки товарищей. Неужели четырнадцать лет прошло с тех пор, представить невозможно! Николай всегда знал, что где-то растет в маленьком городе его сестра Лиза, иногда она приезжала на каникулы, он посылал ей подарки ко дню рождения, и до сих пор она казалась ему маленькой, он редко видел ее и как-то не замечал, что она взрослеет. И вдруг – всего один год прошел – эти незнакомые интонации в голосе,

и прическа, кажется, новая…

– Ничего, я хоть прогулялся, пока ждал. У Маринки, кажется, ангина. Надо же, так не вовремя, хотя когда это вовремя бывает! Видно, продуло, когда переезжали, она ведь шустрая такая, всюду лезет, куда не надо. Как там мама?

– Да как обычно. В школе все то же самое, помидоры сейчас высаживает, скоро огород начнется. Расстраивается, что никак к вам не выберется, даже квартиру еще не видела.

– Это и все твои вещи, один чемодан? – Николай только сейчас разглядел Лизин багаж.

– Почему – сумка вот еще с продуктами, осторожно только, там варенье.

Они еще постояли на платформе, ожидая, пока схлынет поток людей, и пошли к привокзальной площади, где Николай оставил машину. Машина была новая – хотя, конечно, не новая, подержанный «Фольксваген», но купили ее всего месяц назад, и Николай еще не привык к ней, возился с нею больше, чем надо, радовался по утрам, вспоминая, что не придется нырять в переполненное метро. Даже пробки его не угнетали.

– Ой, какая красивая – синяя, Коля, я такого и цвета не видела!

Лиза обошла машину со всех сторон, и Николай невольно отметил, как искренне она радуется его приобретению. Он уже и отвык от такой ясной радости, привычнее стали завистливые взгляды знакомых.

Стараясь не улыбаться, он следил, как Лиза рассматривает Москву в окно машины. Нет, все-таки не очень уж она и повзрослела, ведь точно так же прилипала носом к автобусному стеклу, когда мать впервые привезла ее в гости к нему, студенту.

– Как я Москву люблю, Коля, даже непонятно, почему! Вот мама ведь не любит – говорит, устает от шума, понять не может, как ты здесь живешь. Только я боюсь ее немного. Может такое быть?

– Может, конечно. Ничего, поживешь подольше, освоишься.

До Крылатского доехали быстро. Утренний народ уже разъехался на работу, а дневные, обеденные пробки еще не начались. На пороге квартиры, едва войдя в большой холл, Лиза ахнула:

– Вот это да! С ума можно сойти, как красиво! И как просторно!

– Еще бы не просторно, – улыбнулся Николай. – Пусто, вот и просторно. Мебели-то – кот наплакал. Что и было, везти не хотелось из коммуналки, надоело это убожество.

– А Наташа где?

– Да спит, наверное. Всю ночь с Маринкой провозилась, думали уже «неотложку» вызывать. Пойдем пока на кухню, она сейчас встанет, Андрюше в школу пора.

Кухня была единственным обжитым местом в новой квартире. Сразу купили гарнитур, повесили шторы в крупный

красный горох, Наташа расставила разноцветную посуду, какие-то пластмассовые штучки – и стало уютно, как-то по-новому уютно, без тесноты. Здесь, на кухне, как ни странно, Николай по-настоящему ощущал, что жизнь его меняется к лучшему, что наконец-то он может чувствовать себя свободно и уверенно. И он видел сейчас, что и Лиза думает о том же; они поняли друг друга с полувзгляда.

Присев на кожаный угловой диванчик, Лиза принялась распаковывать сумку с продуктами.

– Мама – как всегда: они там не едят по-человечески, возьми побольше! Чуть картошку не заставила везти, хорошо, обошлись чесноком. Пирог вот здесь с капустой, надо разогреть на завтрак.

Наташа заглянула в дверь:

– Лизочка, привет, милая! Извини, я сама не заметила, как проспала! Сейчас умоюсь.

Николай был женат уже десять лет, но до сих пор радовался, слыша голос жены. Скажи ему кто-нибудь когда-то, что такое может быть, он бы не поверил. Наташа была на два года его моложе – ей недавно исполнилось тридцать. Познакомились они студентами. Николай пришел на филфаковский вечер в гуманитарный корпус и сразу заметил ее, хотя кругом был настоящий цветник – филфак вообще славился богатым выбором невест. Она была маленькая, изящная, как японская статуэтка, карие глаза блестели – она и сейчас почти не переменилась, хотя ведь и двое детей, и работа… То-

гда, после вечера, они долго гуляли на Ленгорах, Николай рассказывал ей, кажется, о каких-то своих химических опытах и удивлялся тому, как внимательно она слушает непонятные названия. А ему ведь не советовали знакомиться с филологическими девицами – говорили, они все высокомерные, особенно москвички, считают себя необыкновенными, знают все лучше всех, ничем их не удивишь. А тогда, в первый вечер, он даже не понял, как умна эта маленькая девушка с короткой стрижкой и живым блеском глаз. Только потом, встречаясь с нею едва ли не каждый день, он удивился ее пониманию всего, о чем они говорили, трезвости и точности ее оценок и, главное, тому, как она умела слушать и не навязывать свое мнение. Они поженились очень быстро, и им сразу повезло с жильем: Наташин отец женился вскоре после замужества дочери и, перейдя жить к своей Вере Платоновне, уступил молодым комнату в коммуналке. Могли ли они, студенты, мечтать о большем! Первое время двадцать метров с двумя соседями казались им дворцом, тем более что соседи, тихие алкоголики, не доставляли особых хлопот, надо было только следить, чтобы те выключали чайник на ночь, да запирать дверь на цепочку. Правда, родившийся вскоре Андрюша несколько охладил их восхищение житейскими удобствами – сразу оказалось, что под его ночной плач довольно трудно читать о кислотах и метафорах, что на молочную кухню надо бегать чуть свет, да и вообще, втроем в комнате далеко не так просторно, как вдвоем.

И тут Николай поразился упорству и внутренней силе своей хрупкой жены. Ночами, когда он уже падал от усталости, она сидела на кухне и читала на трех языках книжки по теории литературы, потом варила для Андрюшки молочную смесь, потом они по очереди бегали на лекции… И при этом Наташа выглядела совсем юной, на нее по-прежнему заглядывались мужики, даже когда она гуляла с коляской, и глаза ее блестели по-прежнему. В аспирантуру она поступила как-то незаметно – благо Андрюшка уже ходил в ясли и можно было посидеть в библиотеке, сдавая минимумы. Да и сын с младенческих лет знал, что родителям мешать нельзя, книжки рвать нельзя, а если всего этого не делать, жизнь с его молодыми мамой и папой легка и приятна.

Маринка родилась, когда мама уже защитила кандидатскую, а папа, отмучившись младшим научным в НИИ, работал в совместной с голландцами фирме. Чтобы купить детям апельсины, Николаю уже не приходилось отказывать себе в сигаретах, и он радовался, что может подарить жене дорогую французскую косметику, а Андрюшке – самую новую игровую приставку. Но квартира – это был камень преткновения! Николай не был в фирме такой крупной фигурой, чтобы ему стали покупать квартиру, очередь на кооператив казалась призрачной. А жить с двумя детьми в двадцатиметровом дворце было невозможно. Нельзя же вечно чувствовать себя студентами, так ведь и уважать себя перестанешь! Решение свалилось на них неожиданно, как чудо: пришла

официальная бумага, в которой предлагалось оплатить стоимость кооператива без рассрочки и через полгода вселяться в дом. Указанная в бумаге сумма казалась тогда огромной, но, общаясь с иностранцами и понимая, как быстро Москва догоняет европейские столицы, Николай ни минуты не сомневался. О чем тут думать, через пару лет эта цена покажется просто смешной, надо немедленно занимать деньги! Полгода, разумеется, растянулись на полтора, деньги пришлось занимать снова, но что это значило по сравнению с тем, что квартира все-таки появилась!

И вот Лиза ахает, войдя в просторный холл его нового крылатского жилья. И есть чем восхититься, несмотря на отсутствие мебели: комнаты залиты светом, ни одно окно не выходит на север, три балкона – да она в жизни не видала такой роскоши!

– Нравится тебе, Лизочка? – спросила Наташа, входя на кухню.

– Конечно, еще бы не нравилось, я так за вас рада, ты себе не представляешь! Знаешь, мне даже снилось – ну, тогда, помнишь, когда вам сказали, что еще вдвое придется заплатить, – что вы непременно скоро ее получите, квартиру. Такой светлый был сон, Ната, прямо как день сегодня, и как будто вы стоите все вчетвером в какой-то комнате, и солнце вас освещает. Я как только зашла, сразу поняла: вот это мне и снилось, все и сбылось!..

Наташа засмеялась:

– Это ты у нас светлое существо, вот тебе и снится такое.

Тут и Андрюшка появился наконец в дверях – кареглазый мальчишка с торчащим хохолком на макушке, маленький для своих восьми лет.

– Мама, ну ты как всегда! Почему меня не разбудила вовремя? Я теперь из-за тебя опоздать могу!

– Вот кто у нас в семье самый нудный, – сказала Наташа, целуя сонную мордашку сына. – Вот кто обо всем помнит, все делает вовремя, никуда не опаздывает – не ребенок, а старичок какой-то, не зря его все бабки у подъезда обожают.

– А вы уже взрослые, кажется, могли бы и сами соображать, сколько времени мне надо на дорогу! Я вообще буду у себя будильник ставить, на вас совершенно невозможно положиться.

– Ты бы лучше с Лизой поздоровался, занудка, – напомнила Наташа. – Она ведь ради тебя, между прочим, приехала.

– А, Лиза, привет. Как доехала?

– Да все хорошо, Андрюша, как же ты вырос, просто не узнать тебя! – Лиза, стараясь не рассмеяться, расцеловала серьезного племянника. – Как твоя гимназия?

– Все нормально, конечно, но вчера, представляешь, Маринка ныла-ныла, а потом стащила мою тетрадь по математике и всю замазюкала карандашом. Чего еще ждать от ребенка, которому все разрешают? Вот мама уедет, так ты возьми ее в руки хоть немного.

– Можешь положиться на тетю, Дюша, а сейчас иди-ка умываться, хватит уже ворчать. Папа тебя подвезет, не волнуйся. – Наташа легонько подтолкнула сына к ванной.

Николай рассеянно наблюдал за обычной домашней сценкой. Он привык, что Андрюшка любит повоспитывать безалаберных родителей, и сейчас его больше волновало, что Наташа выглядит усталой, хотя и старается казаться веселой. Из-за Маринки она не спала уже которую ночь, да еще моталась вечерами в университет, пытаясь все успеть до отъезда.

Эта поездка в Германию возникла так неожиданно, что Наташа едва не отказалась. Как уехать на четыре месяца, Марина совсем кроха, Андрюшку не бросишь в конце учебного года, да и жалко: только въехали в новую квартиру, вовсе не хочется уезжать, сейчас лучше бы по мебельным побегать…

Так она и сказала Николаю, придя однажды домой вьюжным зимним вечером. Тот едва дар речи не потерял:

– Наташка, подумай, что ты говоришь! Отказаться от стажировки в Кельне, да ведь все ваши только и рвутся за границу! Думаешь, тебе постоянно будут что-нибудь подобное предлагать? Или лучше сидеть с замшелыми филологинями и обсуждать, кто чей любовник?

– Интересное у тебя представление о моей работе! Хотя, конечно, Кельн… Заманчиво! И славистика там сильная. Ну, положим, мебель подождет, но дети? Дюша вырос, в Новополоцк его не отправишь, а Маринка, наоборот, маленькая, заболела вот, в сад не ходит – и оставить не с кем, ты целыми

днями на работе… Нет, это не реально, не о чем и говорить, как ни жаль. Забыли!

Однако не забыли, разумеется. Николай не простил бы себе, если бы не нашел выхода. В самом деле, почему его жена должна отказывать себе в такой необходимой вещи, как эта поездка, разве это каприз какой-нибудь! И ведь это как роль в кино: раз откажись, другой могут и не предложить.

Тем же вечером, пока Наташа не надумала отказаться, он позвонил в Новополоцк. К телефону подошла Лиза, обрадовалась, услышав его голос, начала о чем-то расспрашивать, но он, увлеченный своей идеей, не стал терять времени:

– Лиз, слушай, только ты можешь нас спасти!

– Что случилось, Коля? – По голосу он понял, что сестра испугалась. – С детьми что-нибудь?

– Да нет, ничего страшного, наоборот.

И Николай в двух словах рассказал о Наташиной стажировке. Он удивился Лизиной реакции: сестра точно ждала его звонка.

– Коленька, вот ведь вовремя, а я как раз… Конечно, я приеду, можешь не сомневаться!

– Я понимаю, институт… Ну возьмите справку какую-нибудь, не Сорбонна, я и сам с тобой тут позанимаюсь, перенеси сессию, а? Это так важно для нас, Лиз, ты себе не представляешь!

– Почему же не представляю? – Голос Лизы в трубке стал немного обиженным. – Я как раз очень за Наташу рада, ко-

нечно, надо ехать.

– Так достанете справку? – обрадовался Николай. – Ты точно приедешь?

– Справку? Какую справку? А, институт… Ты об этом не волнуйся, Коля, было бы о чем! Когда она уезжает?

И вот Лиза сидит у них на кухне, разбирает сумку с маминими соленьями, и все складывается так удачно. Уж на сестру-то можно положиться, на нее не то что детей, атомную станцию можно оставлять – поищи-ка человека надежней! И ведь она тоже заметила, что Наташа устала: сразу сама занялась завтраком, достала из чемодана и надела красивый передник с кружевами, уже заглядывает в шкафчик в поисках какой-то приправы к пирогу. Такая уютная, домашняя, молодая хлопотливая хозяйка, хотя… Что-то мешало Николаю видеть в сестре обычную новополоцкую девочку, какой он считал ее по давней привычке, – неиспорченную, симпатичную, чья незамысловатая судьба ясно читается в широко открытых глазах. Наверное, эти совсем новые оттенки ее голоса, которым он так удивился сегодня утром… Что же появилось в ней, сразу им замеченное и отмеченное?..

«Да ведь я совсем не знаю ее, – подумал Николай. – Как она жила все эти годы, как превратилась из смешной девчушки в красивую девушку? Да-да, по-настоящему красивую, и такую красоту теперь редко встретишь. Девушки, которых принято считать красивыми, обычно просто миленькие, с мелкими чертами лица, с губками сердечком. А Ли-

за…»

Но голос сестры отвлек Николая от размышлений о ее внешности.

– Коля, завтрак готов! Зови Наташу, Андрюшу. Маринка, наверное, потом поест, не будить же ее?

Так начался этот мартовский день – первый Лизин день в Москве – и завертелся, понесся так стремительно, как несутся дни только в Москве. К счастью, температура у Маринки спала, Николай уехал на работу, забросив по дороге в гимназию Андрюшу, Наташа, покормив дочку в постели и посмотрев на Лизу умильными глазами – «Лизочка, так надо сегодня в университет, просто позарез!» – тоже исчезла. И Лиза осталась дома словно бы одна: Маринка, измотанная недельной ангиной, снова уснула.

Лиза прошлась по квартире – тихой, солнечной, гулко-пустой. Она и вправду никогда не видела такого домашнего простора. Их новополоцкая малометражка меньше всего располагала к тому, чтобы по ней «пройтись». Мебели там было немного, только самое необходимое, а все равно чувствовалась теснота: телевизор можно было включить, не вставая с дивана, только руку протянув, на кухне вдвоем с мамой не разминуться. Нельзя сказать, что теснота раздражала Лизу. Она привыкла к ней, как привыкаешь ко всему, что невозможно изменить, а в девятнадцать лет мало думается о квадратных метрах, да и верилось в глубине души, что ее ждет совсем другое…

И сейчас, стоя посреди освещенной, почти пустой комнаты – это кабинет, наверное, вон сколько книг сложено на полу у стен, – Лиза чувствовала счастливый трепет в груди – трепет предчувствия. Она распахнула дверь и вышла на балкон, даже не набросив пальто; обманчивый, ласковый весенний ветер коснулся ее разгоряченных щек. Голова у нее слегка закружилась – шестнадцатый этаж! – и она вдруг поняла, что это светлое ветреное пространство, над которым она как на плоту плывет на широком балконе, – это-то пространство и таит в себе загадку ее будущего, которую ей предстоит вскоре разгадать. Никогда еще собственное будущее, подступая совсем близко, вливаясь в сегодняшний день, не наполняло ее таким восторгом. Вот оно, раскинулось перед нею, оно так же просто и вместе с тем необъяснимо прекрасно, как название этой улицы – Крылатские Холмы.

«Надо же, как красиво называется Колина улица», – подумала Лиза, возвращаясь в теплую комнату.

Она вообще любила названия московских улиц. Иногда, приезжая к Коле еще во время школьных каникул, даже смеялась от удовольствия, читая на матово-белых табличках «Большая Полянка», или «Воротниковский переулок», или «Садовая-Самотечная».

«Но то – в центре, – говорил ей брат. – А улицы в новых районах по-другому называются – Четвертая Шарикоподшипниковская, например. Москва – в ней, Лиза, всякого хватает».

«А вот ведь, – радостно возражала теперь Лиза, словно Николай только что говорил ей все это, – вот ведь и район новый, а улица – Крылатские Холмы, как красиво, правда?»

Нет, ее не обманет этот чудесный город, ей нечего бояться, надо только понять его, разгадать и немного привыкнуть к нему, не зря ведь он так манил ее…

И, улыбаясь от затаенной радости, Лиза перешла в гостиную. Здесь уже стояли большой мягкий диван, два кресла и журнальный столик. Столик был белый, диван и кресла – какого-то нежно-зеленого цвета, с серебристыми разводами. И ничем не накрыто, а ведь дети легко могут испачкать, изрисовать. Все-таки здесь, в Москве, люди совсем по-другому относятся к жизни, чем у них в Новополоцке! Там-то никто и не купил бы гарнитур такого цвета, а уж если купил, тут же накрыл бы каким-нибудь практичным, немарким покрывалом. Конечно, Коля теперь много зарабатывает, но ведь у них и за квартиру долг, да и не транжиры они беззаботные, хорошо знают, как деньги достаются. Здесь не в расточительности дело, а именно в том, что Лиза, как ей казалось, сразу почувствовала – в другом отношении к жизни. В уверенности, что вещи должны украшать жизнь, что нечего стесняться жить по душе, что человек должен чувствовать себя свободно… Едва ли все это связывалось в Лизиной голове в такие округлые фразы, но, сидя на удобном светло-зеленом диване, она думала примерно об этом. И понимала, что охотно соглашается жить именно так. Может быть, и поэтому ей

хотелось стать здесь своею?..

Всего одна ночь в пути, всего одно утро в Москве, а уже сквозь дымку, как во сне, видится ей новополоцкий институт, вся недавняя ее жизнь, Борис, стоящий рядом с мамой на перроне… Значит, такая судьба, и слава богу! А сейчас пора варить обед – суп, кажется, стоит на плите, а второго она что-то не заметила. И, тихо заглянув в детскую, прислушавшись к сонному сопению Маринки, Лиза пошла на кухню.

Первым пришел домой Андрюша: открыл дверь своим ключом, неторопливо вытер ноги о коврик.

– Что, ты одна? Конечно, им лишь бы из дому сбежать, а еще взрослые!

– Но ведь папа на работе, Андрюшенька, что тут такого?

– А мама? У нее уже командировка началась, она вообще может на работу не ходить, но у нее же вечно дела.

– Ты прямо кот Матроскин, ей-богу! Это ты всегда их так воспитываешь?

– А их если не воспитывать, они вообще… Маринка спит?

– Не спит! – донеслось из детской. – Дюшка-нудюшка!

Наташа и Николай приехали вместе: он заехал за женой после работы, освободившись пораньше. Наташа впервые уезжала так надолго, и Николаю жаль было проводить врозь эти последние перед ее отъездом дни. Он вообще хотел взять отпуск, но потом решил сделать это, когда Наташа вернется. Как раз летом, и можно будет на море вместе поехать.

– О, смотри, Николка, жаркое на плите! Сразу видно, Лизочка дома, я-то не успела вчера. И компот – ну, это вообще роскошь!

Наташа заглянула на кухню, не раздеваясь, и, быстро сбросив плащ и сапожки, прошла в детскую.

– Мариночка, умница моя, ты уже совсем здоровенькая скоро будешь, правда? Ты слушалась Лизу, не вредничала? – послышался оттуда ее голос.

– Она отлично меня слушалась, – успокоила Наташу Лиза. – Вообще, ты не волнуйся, мы с ней поладим.

– Ой, Лиза, не зарекайся, она у нас знаешь какая балованная! Андрюшка гораздо спокойнее был в ее возрасте, – возразил Николай. – Я, конечно, тоже ими займусь, но ведь я все больше на работе, вечерами только да в выходные… Главные заботы на тебе.

– Брось ты, Коля, в самом деле, какие с ними заботы, – успокоила его Лиза. – Хорошие дети, спокойные, умненькие. Маринка вон сегодня полдня книжки рассматривала.

– Учти – притворяется. – Николай погрозил пальцем трехлетней дочери, которая уже залезла с головой под одеяло и посверкивала из щелочки хитрыми голубыми глазами.

Темнело по-прежнему рано, и уже в девять часов казалось, что на дворе глубокий вечер. Андрюша отправлялся спать ровно в девять, Маринка и рада была бы повертеться среди взрослых, но быстро устала. Потемпературила немного к вечеру, похныкала, отплевываясь от таблеток, и сон смо-

рил ее.

Николай, Наташа и Лиза засиделись на кухне. Посвистывал ярко-красный чайник, от низко висевшей над столом лампы в плетеном абажуре лился приглушенный свет, и им было хорошо сидеть здесь втроем, вспоминать детство и думать о будущем – в основном, конечно, о Лизином будущем.

– Как же ты все-таки договорилась в институте, Лиза? – спросил Николай. – Я ведь и расспросить тебя не успел.

Лиза помолчала, словно не решаясь сказать.

– А никак, Коля, просто бросила его, и все.

– То есть как это бросила? – испугалась Наташа. – Из-за того, чтобы нам помочь, ты бросила институт? Да ты с ума сошла, Лизочка, я бы ни за что не согласилась, если бы знала!

– Нет-нет, Ната, не волнуйся, – успокоила ее Лиза, – это совсем не из-за вас. То есть я, конечно, хотела вам помочь, но я не из-за этого… Просто я не могла больше там учиться. Зачем?

– Ничего себе разговор – зачем! – возмутился Николай. – А чем ты, интересно, дальше собираешься заниматься? Замуж поскорее – и в домохозяйки? Странно, Лиза, я всегда думал, что у тебя есть и другие интересы.

Лиза покраснела.

– Я пока не знаю… Я не то чтобы замуж поскорее – я правда не знаю, Коля… И зачем тратить время на этот институт? Ты извини, но я твою химию терпеть не могу, поступила, вообще не думая. Надо же было куда-то поступать, не на ком-

бинат же идти. Как вспомню: просыпаюсь утром, думаю, что в институт надо – и вставать неохота, ужас! И чего ради?

Николай встал из-за стола, нервно заходил по кухне.

– И что же мама тебе сказала на это?

– А что она могла сказать? Она ведь понимает. Ты разве забыл, Коля, мама у нас все понимала всегда, что мы с тобой делали. Конечно, у нас с ней был разговор перед отъездом, но не об институте.

– А о чем же?

Лиза промолчала; ей не хотелось об этом говорить.

– Что ты пристал к девочке? – вмешалась Наташа. – Почему это она должна заниматься тем, что ей неинтересно? И вообще, что ей делать в Новополоцке, когда там химия твоя прямо в воздухе летает? Посмотри на нее – ну что ее там ждет? – И, ободряюще взглянув на Лизу, она продолжала: – Приехала к нам – вот и отлично. И надо подумать, что ей дальше делать, а не цепляться за этот никому не нужный институт. А правда, Лизочка, чем бы ты хотела заниматься?

Если бы она могла ответить на этот вопрос! Да и многие ли девятнадцатилетние девушки знают ответ на этот вопрос? Хорошо Наташе: она с детства была уверена, что поступит на филфак, и вообще она такая целеустремленная, просто позавидуешь… А Лиза – конечно, она любит читать, и даже плакала над «Евгением Онегиным», стыдясь признаться в этом кому-нибудь из подруг, и сочинения в школе всегда писала хорошо, – но ведь она никогда не связывала все это

со своим будущим, с профессией. Вообще, ей и самой казалось странным: вроде, все считали ее умницей, да и не было у нее причины думать, что это далеко от истины, но будущее… Оно представлялось ей совершенно туманным, каким-то неопределенно-прекрасным, и она не могла назвать ни одного конкретного дела, которое казалось бы ей привлекательным. Потому она и задумалась сейчас: как ответить на простой Наташин вопрос? Хорошо, что та и не требовала немедленного ответа.

– Да ты не волнуйся, Лиза, не знаешь – потом узнаешь. Тебе сейчас надо в жизнь всмотреться, себя понять, вот о чем следует подумать. Правда, Николка?

Николай совсем не был уверен, что лучшее занятие для сестры – всматриваться в жизнь. Да и что это такое? Он был человеком действия и всегда знал, что лучшее разрешение любой ситуации – простое и очевидное. А себя понять – это так неопределенно, так зыбко, и как Наташа вообще себе это представляет, да еще для Лизы? Нет уж, ей лучше подумать, куда поступать. Разумеется, в Москве, он ведь и сам не захотел учиться в Новополоцке, хотя тамошний политехнический считался неплохим.

Но и Наташа была человеком практичным, просто ее практичность была более связана с потребностями человеческой души, которые она считала не менее насущными, чем требования повседневности. И эта-то практичность подсказывала ей сейчас: не время еще Лизе выбирать что-то опре-

деленное, ей бы с собою сначала разобраться, со своей душой. Достаточно поторопиться сейчас – и снова будешь с тоской просыпаться по утрам…

Лиза благодарно посмотрела на Наташу. Какая она умная, как хорошо все понимает! И правда, куда торопиться? Впереди – почти полгода в Москве, не может быть, чтобы она, Лиза, не почувствовала, чего же ей хочется.

– Нет, ты не подумай, я тебя тоже не тороплю, – поспешил добавить Николай, – но все же… Хорошо, если бы ты решила куда-нибудь поступать этой же осенью. Пока ты здесь, я бы тебе помог подготовиться, и маме было бы спокойнее, я уверен. Подумай, Лизушка, все это не так скучно, как тебе сейчас кажется!

– Ну и прекрасно! – подытожила Наташа, сглаживая легкую напряженность разговора. – Лиза поживет у нас, осмотрится, а там видно будет. А сейчас – спать, ребята, иначе я завтра просто не встану. Ведь неделю почти без сна, вот приеду в Германию и вместо работы впаду в летаргию.

Лиза пошла в ванную последней, когда Николай и Наташа уже закрыли за собою двери спальни. Включила длинную матовую лампу над зеркалом и вдруг словно впервые увидела себя… Кто это смотрит из серебристой зеркальной глубины – она, Лиза? Она не слишком привыкла заниматься своей внешностью, часами разглядывать себя в зеркале, подбирая косметику или прическу, как большинство ее подруг. Это было не равнодушие к своей внешности, а что-то

совсем другое – незнание себя? Лиза никогда не думала о себе отвлеченно, она так привыкла к себе – обычной, предсказуемой, – что даже не знала толком, как выглядит, красива ли она. Она и сейчас не могла бы сказать этого наверняка, но что-то поразило ее сегодня в собственной внешности, заставило пристальнее вглядеться в свое отражение. Матовая лампа не освещала всей ванной, и из полумрака на Лизу глядела совсем юная девушка: мягкий, светящийся абрис округлого лица, светлые, с пепельным оттенком, волосы заплетены в длинную косу, только на лбу и на висках трепещут выбившиеся легкие завитки, губы полуоткрыты, и от этого выражение лица кажется не то растерянным, не то манящим. Будь Лиза постарше и поопытнее, она могла бы оценить, как пленительно это сочетание несовместимых черт, воплощенное в нежной линии ее губ. Но об этом ли ей было думать! И – глаза… В них-то главным образом и всматривалась Лиза с таким удивлением, точно видела впервые. Непривычное освещение заставило ее глаза сиять особенным, загадочным светом, который так и лился из их прозрачной виноградной глубины. Какое-то странное, таинственное обещание переливалось в них, и Лиза даже испугалась на мгновение: впервые в жизни ей показалось, что она не знает, чего ждать от самой себя уже через минуту…

Она торопливо включила верхний свет. Глупости какие, померещится же черт знает что! Просто устала с дороги, впечатлений много, а она ведь вообще впечатлительная, это и

мама ей всегда говорила. Надо принять душ и отправляться спать поскорее. Завтра Наташа весь день будет собираться, почти все их вещи до сих пор по чемоданам и ящикам, предстоит, как она сказала, настоящее светопреставление!

После душа, набросив длинный махровый халат, который дала ей Наташа, Лиза распустила косу, и волосы накрыли ее плечи светлым, блестящим водопадом. Расчесавшись, она вновь заплела их и, стараясь не шуметь в темноте, пошла в гостиную, где ей было постелено на том самом роскошном диване.

Лиза уснула быстро, даром что на новом месте, и снилось ей, наверное, что-то ясное и счастливое: она то и дело улыбалась во сне, только вот никто этого не видел.

Глава 2

Лиза Успенская родилась в Новополоцке и, если не считать редких поездок к брату в Москву, никуда оттуда не уезжала. Не потому что она в свои девятнадцать лет была домоседкой, а просто – так уж складывалось, куда ей было особенно ездить одной? Однажды в детстве мама возила их с Колей на Черное море, но для вдовы-учительницы с двумя детьми это было накладно, и Лиза в основном проводила лето в лагере на берегу Западной Двины, которая плавным своим течением делила город на старинный Полоцк и индустриальный Новополоцк. Еще ездили однажды с классом на зимние каникулы в Петербург, и этот город поразил Лизу, но совсем иначе, чем Москва: она до сих пор помнила его величественную холодность. Но та школьная поездка так и осталась единственной.

Наверное, она любила бы путешествовать – во всяком случае, еще лет десяти с удовольствием брала в библиотеке книги о разных странах, подолгу листала их перед сном. Но в ее вынужденном сидении дома не было ни капли горечи. Лиза так же не замечала того, что никуда не ездит, как не замечала тесноты в квартире. Потом, потом ее ждет что-то совсем другое, и стоит ли убиваться оттого, что жизнь не преподносит ей все сюрпризы сразу? Нет, Лиза не была склонна к философствованиям, просто какой-то будоражащий, но тер-

пеливый огонек, горевший в ее душе, освещал будущее ровным, хотя и неясным светом.

Ей нравился ее город. Конечно, не Новополоцк – химический, комбинатский, – а старинный Полоцк на другом берегу реки. Лиза любила и белый, величественный собор Софии Полоцкой, и тихий Спасо-Евфросиниевский монастырь на берегу Полоты, которая вливалась в Двину у самого города. Она приходила в Спасо-Евфросиниевский – посмотреть древние фрески, и долго вглядывалась в темные, почти неразличимые и суровые лики святых. А в Софийском фрески были яснее, светлее – в красных, зеленых и белых тонах, и Лиза даже различала сине-голубые, серо-желтые оттенки во фреске, изображавшей Евхаристию. Ей и самой было странно – почему так нравятся ей эти плохо сохранившиеся изображения на стенах, ведь она не была ни художницей, ни историком, и быть не собиралась, и молитвенного чувства фрески в ней не вызывали. Но Лиза привыкла доверять своим чувствам, чего бы эти чувства ни касались – книг, друзей или старинных красок на стенах.

Впрочем, она и рисовать пробовала тайком, стесняясь своего неумения. Ей нравилась акварель, но она никак не могла понять: что нужно делать, чтобы пейзаж на картине вдруг начинал волшебным образом отличаться от того, в который Лиза внимательно вглядывалась, стоя на берегу реки?

Однажды мать увидела ее первые этюды и изумленно ахнула:

– Лиза, до чего ж похоже!

Никто не говорил Лизе, что должно быть не похоже, но она почему-то догадывалась об этом сама, и ее вовсе не обрадовала материнская похвала.

В этом увлечении рисованием прошел весь ее восьмой класс; ей исполнилось пятнадцать. Под ее письменным столом уже громоздилась целая гора папок с рисунками, а она все ходила на Двину, пытаясь понять: что же не дается ей, почему она так недовольна аккуратной речной излучиной, появляющейся под ее рукой?

Она, наверное, так и не поняла бы этого, если бы не одна случайная встреча.

– Неплохо, милая барышня, – вдруг услышала Лиза и испуганно оглянулась.

Рядом с нею стоял высокий широкоплечий мужчина в большой войлочной шляпе с обвисшими полями и смотрел на нее одобрительно и насмешливо.

– Неплохо изображаете, – повторил он. – Учились где-нибудь?

– Нет, я сама, – пролепетала Лиза.

«Откуда он здесь взялся? – подумала она. – Подошел как неслышно…»

– Неужели сама? Надо же, а техника какая-то есть. Но вы, я вижу, недовольны своей работой?

– Как вы догадались?

От удивления у нее даже страх прошел перед этим стран-

ным человеком.

– Нетрудно догадаться, я ведь за вами давно наблюдаю. Лицо у вас было такое недовольное, губку прикусили. Что же вам не нравится, позвольте узнать?

– Слишком похоже! – выпалила Лиза.

– А почему вы решили, что должно быть иначе? – прищурился ее неожиданный собеседник.

– Ну-у, потому что… Потому что когда я на речку смотрю, я и вижу – воду, кусты – и еще чувствую что-то. А когда на свою картину – только вижу воду и кусты.

– Вот это да! – воскликнул мужчина. – Неплохое искусствоведение! Что ж, барышня, вас как зовут?

– Лиза.

– Калитина? – спросил мужчина.

– Нет, Успенская.

– Тоже неплохо, – одобрил он. – Так вот, Лиза Успенская, я бы, конечно, с удовольствием сказал вам, что вы будете когда-нибудь хорошим художником, но я в этом не уверен и кривить душой не стану. Но то, что вы неплохо чувствуете искусство в такие юные, чтобы не сказать больше, годы – это несомненно. Вам сколько исполнилось?

– Пятнадцать.

– Я думал, еще меньше, – удивился он.

Действительно, Лиза выглядела до сих пор как девочка-подросток – немного неуклюжая, со слишком острыми плечами и едва заметными бугорками груди. Это ее ужасно

расстраивало: в классе она одна оставалась такая, все девчонки уже округлились, похорошели и гордо встречали заинтересованные взгляды десятиклассников.

– Ничего, Лиза, не расстраивайтесь, – успокоил он. – Что с того, что пейзажик у вас такой… миловидный? Вы из себя самой сможете сделать неповторимое произведение. Если, конечно, поймете – как.

Сказав эти странные слова, смысла которых Лиза не поняла, он помахал ей рукой и пошел по берегу, вскоре скрывшись за речным поворотом.

Кто он был, этот странный человек, так неожиданно возникший перед ней на мгновение? Спустя несколько минут Лиза даже засомневалась: не привиделся ли он ей?

Пейзажи свои она вскоре забросила, слова его почти забыла – и только через много лет они вспомнились ей с удивительной ясностью, и она поняла, о чем он говорил…

Читать Лиза тоже любила – особенно, как ни странно, русскую классику, которую никто из ее подруг не воспринимал иначе, как нудную школьную программу. Иногда Лизе казалось, что она понимает тургеневских героинь гораздо лучше, чем своих одноклассниц.

Конечно, Лиза понимала, что отличается от подруг, но чем? Она так же охотно, как все соседские девчонки, бегала на дискотеки, за нею так же ухаживали одноклассники, и эти первые ухаживания заставляли так же замирать ее сердце, как замирали сердца всех новополоцких девочек шест-

надцати лет. Но все эти нехитрые юные радости значили в ее жизни гораздо меньше, чем в жизни ее ровесниц, и уже в десятом классе Лиза почувствовала, что ей становится скучно.

Она не сразу поняла, что с ней произошло. Однажды позвонил Сережка Ефименко:

– Лиз, у Гоши сегодня ужастик новый, придешь на видак?

Она часто бывала в видеосалоне у Гоши, и сегодня тоже не было причины отказаться. Но, сама не понимая, почему, Лиза ответила:

– Да не хочется что-то, Сережа. Не приду.

– Ну, мое дело предложить, в натуре, – оскорбился Ефименко. – Чего это с тобой?

Лиза и сама не знала, что с нею, и уж тем более не могла бы объяснить это Ефименке. Сегодняшним вечером не хотелось оставаться дома, но стоило ей представить, как она может этот вечер провести, – и безразличие охватывало ее. Неужели совсем недавно ей доставляло удовольствие танцевать в разноцветных пятнах светомузыки? Или просиживать в салоне перед видиком, под гогот накачавшихся дешевым вином одноклассников? Она почему-то больше не могла себе этого представить. Словно щелкнул внутри невидимый замочек – и все, возврата нет. Да и так ли уж нравилось ей то, что нравилось всем ее знакомым?

Но ее живой, легкий характер не позволял ей сосредоточиться на внутренней жизни, как это, возможно, произошло бы с другой девушкой, вдруг разочаровавшейся в простых

удовольствиях. Книжки, церковные фрески – все это и красиво, и интересно, и будоражит воображение, но ведь это не жизнь, это не может заменить всей прелести живой, повседневной жизни. И что же ей теперь делать?

Лиза была влюбчива, хотя у нее еще не было случая в этом убедиться. И ее неожиданная скука скорее всего была связана именно с тем, что ей не в кого было влюбиться. Кому из ее приятелей, охотно танцевавших с этой красивой зеленоглазой девчонкой, была интересна ее душа, кто из них вообще знал, какой может быть любовь? Да ни один не оторвался бы от видака ради свидания с самой распрекрасной девушкой. Подумаешь, еще раз придет, куда денется!

На видик она все-таки пошла – не в этот весенний вечер, так в другой, куда еще, действительно, ей было деваться? Завсегдатаи Гошиного салона встретили ее довольными криками:

– Лизка! А мы уж думали, ты загордилась чего-то, а ты молодец, пришла!

– Сегодня такой фильмец классный, не пожалеешь, – добавил Гоша. – Мы вообще посторонних пускать не хотели, чтоб не заложил кто, будто тут у нас порнуху крутят. Хотя чего нам кто сделает?

Свет в небольшом зале погас, зрители закурили.

– Только ребята, без травки, в натуре, – предупредил Серега Ефименко. – Начнут менты таскаться, доказывай потом.

Но никто и не собирался курить травку. Гошин видеоса-

лон, как и вся компания, к которой принадлежала Лиза, славился своей умеренностью. Вон, даже порнофильмы, давно ставшие нормой едва ли не для детских сеансов, побаивались крутить.

Дверь неожиданно открылась, и в полосе света появилась чья-то фигура.

– Это кто еще? – выкрикнул Гоша, уже включивший телик.

– Свои, свои, – ответил мужской голос.

– Свои все дома.

– Да Чигирь это, Гош, – быстрее всех разглядел гостя Ефименко. – Крути давай, не бойся.

Лиза не знала, кто такой Чигирь, да ее это и не слишком интересовало. Она и в экран почти не вглядывалась, все равно у Гошки не будет ничего интересного: если про любовь, то только в постели. Лизу давно уже не смущали эротические сцены, но в том виде, в котором они представали в фильмах Гошиного салона, они и не волновали ее.

Сегодняшний фильм – названия Лиза не разглядела – не являлся исключением. Сначала героиня видела сны про то, как она спит сразу с двоими, потом она спала с ними по очереди, и все это завершалось сбывшимся сном – групповым сексом.

Лиза пошла к выходу, едва включили свет. Ей почему-то неприятно было видеть, как загорались глаза парней после таких фильмов. И хотя они не приставали к ней откровен-

но, ей все равно казалось, что их жадные взгляды раздевают ее. А все это были друзья ее детства, и все они выросли в соседних домах, и оттого Лизе особенно противны были их взгляды…

Она не заметила, что опоздавший парень быстро встал и вышел вслед за нею. На улице, у освещенного входа в видеосалон, он взял ее под руку. От неожиданности Лиза отпрянула. Его прикосновение было властным, но не грубым.

– Вы куда так торопитесь, девушка? Чего ходить одной по темноте? Может, я провожу?

Лиза всмотрелась в своего неожиданного спутника – тот самый, которого Ефименко назвал Чигирем.

– А вы вообще-то кто?

– Не слышали разве, Чигирь я. И вообще про меня не слышали?

– А вы что за кинозвезда, чтобы про вас все слышали?

– Ну, кино – не кино, а звезда в Новополоцке известная.

Лиза собралась было проститься со «звездой», но Чигирь снова придержал ее за руку, и снова она почувствовала эту его странную властность без грубости, и на мгновение замешкалась.

– Вот и хорошо. Поехали, поехали, есть места и покруче, чем ваш видюшник. А тебя как зовут, кстати?

– Лиза.

– Ты ждешь, Лизавета? А я вот он!

– Куда это вы меня приглашаете?

– Довольна будешь, Лизавета, я зря не позову!

Чигирь был на машине, и, увидев ее, Лиза испугалась: это была новая черная «БМВ», на таких в их городе ездили только бандиты, да и то не многие.

– Нравится? – Чигирю явно был приятен Лизин испуг. – Мне тоже нравится, классная тачка. Ты в такой навряд ли ездила.

Лиза беспомощно огляделась – нельзя ли уйти? – и, не обнаружив путей к исчезновению, села в машину. От неожиданности она даже не рассмотрела ее. Да что там, она и спутника своего толком не разглядела, и только сейчас присматривалась к нему искоса. На вид ему было чуть за двадцать, его простое, резких очертаний, широкоскулое лицо было довольно красиво, его не портили даже стриженные коротким ежиком волосы. Лиза подумала, что верно поняла его «особую примету» – властность без грубости; это же угадывалось и в его внешности.

Чигирь резко надавил на газ, машина взревела и сорвалась с места. Вскоре она вылетела на Советскую, на полной скорости пронеслась метров пятьсот, распугивая случайных прохожих, и остановилась у двухэтажного дома, ярко освещенного разноцветными лампочками.

– Как на Новый год, – произнесла Лиза, улыбаясь, хотя чувствовала, что от страха у нее едва не стучат зубы.

– Не бывала тут? «У Альберта» называется, наш парень держит. Ничего кабак, сейчас глянешь.

Чигирь быстро выскочил из машины и, до того как Лиза успела выйти, галантно распахнул перед нею дверцу:

– Прошу!

– А машину ты не закрываешь? – спросила Лиза, когда Чигирь под руку повел ее ко входной двери.

– Зачем? Не волнуйся, все цело будет, – усмехнулся он.

– Да я и не волнуюсь…

У входа их встретил совсем молодой веснушчатый паренек.

– Заходи, Чиг, заходи, давно не бывал! – засуетился он перед Лизиным спутником.

– Кто тут? – бросил тот через плечо.

– Да как всегда, ничего нового. Рыжий тебя спрашивал. Сказать ему, что ты пришел?

– Сам увидит, не слепой. Я вот с девушкой, отдохнуть хочу, а не с Рыжим балаболить.

– Ну да, ну да, – закивал веснушчатый. – Святое дело!

Лиза в свои семнадцать лет никогда не была в ресторане. Так, сидели иногда с ребятами в кафешке неподалеку от Гошиного салона. Все ведь так дорого… Поэтому чаще всего желающие просто приносили вино с собой на видюшник и потягивали его в темноте из бутылок.

Здесь, у Альберта – кто это, интересно? – все показалось Лизе роскошным. На потолке и стенах много массивных золоченых светильников, но светят они неярко, и это создает в зале интимную атмосферу; столы покрыты тяжелыми бор-

довыми скатертями, свисающими почти до полу; есть даже фонтан, подсвеченный разноцветными огнями. Правда, в зале так накурено, что вокруг всех светильников стоят облака синего дыма, но и это входит в общее настроение. И, кажется, совсем нет свободных мест, так много людей сидят за столиками, шумно разговаривают, кто-то даже поет, не обращая внимания на музыку.

Оркестр располагался посредине зала на невысоком подиуме, украшенном такими же разноцветными лампочками, как вход в ресторан. Играли что-то громкое и темпераментное. В одном из музыкантов Лиза узнала знаменитого в городе старичка, который всегда ударял в литавры во время похорон.

– Сюда пошли, – указал ей Чигирь на один из столиков.

Тут же подлетел официант, тоже, разумеется, знавший Чигиря.

– Чиг, давно не видали, дня три уже! Как делишки, девушка нормальная, даром что прикид простоват.

– Ты поговори у меня, поговори, – лениво процедил Чигирь. – Потом самому про-о-стенький прикид понадобится. Больно наглый стал!

– Да я ж прикалываюсь, не понял, что ли? Что кушать будем?

– Я не голодная, – торопливо произнесла Лиза.

Ей совершенно не хотелось есть в этом шикарном ресторане за счет неожиданного своего спутника. Чем еще обер-

нется такой ужин? Любопытство боролось в ней с желанием уйти поскорее. Что это за Чигирь, которого все знают, и что такому может понадобиться от нее, Лизы? Чигирь не обратил внимания на ее слова.

– Ассорти давай мясное и рыбное, грибочки маринованные, крабовые палочки с майонезом, салат там, помидоры. Все на двоих.

– На горячее что?

– Там видно будет. Водки принеси двести, шампанского бутылку для девушки, сок апельсиновый.

Кивнув, официант исчез, и уже через несколько минут появился с шампанским и водкой. Отпер шкафчик неподалеку от стола, достал оттуда бокалы и рюмки, протер и расставил перед Чигирем и Лизой, хлопнул пробкой от шампанского. Тут же появилась и закуска, разложенная на больших блюдах с изображениями Ромео и Джульетты – такие тарелки привозила из Турции на продажу Лизина соседка Валентина.

– Ну, Лизавета, выпьем за знакомство.

– А не боишься за рулем?

– Ничего, довезу как-нибудь, не стремайся. Ты мне лучше скажи, почему я тебя раньше не видал?

– Где?

– Ну, хоть на видаке вашем. Я заглядываю время от времени к Гоше, присматриваюсь к компании – мало ли чего…

– А я там редко теперь бываю.

– Правильно, – одобрил Чигирь. – Там мелочь одна, паца-

ны зеленые, из них навряд ли толк будет: не присматриваются к делу. Тебе другие нужны мужики.

– А ты откуда знаешь, кто мне нужен?

В голосе Лизы проскользнуло возмущение. Еще не хватало, чтобы какой-то Чигирь ее воспитывал!

– Да видно по тебе. – Чигирь не стал пояснять, что он имеет в виду; в голосе его, как и во внешности, и в движениях, была уже знакомая Лизе уверенность. – Ты, правда, малая еще. Лет шестнадцать?

– Семнадцать.

– Ну ничего, подрастешь, лишь бы в хороших руках.

– В твоих, что ли?

– А хотя бы.

Лиза злилась все больше и больше. Мало того что этот тип, не спрашивая, везет ее в ресторан и сидит, развалившись, – так он еще уверен, что она теперь принадлежит ему! Надо немедленно встать и уйти, пока не поздно. Если еще не поздно…

Прямо взглянув в глаза Чигиря, Лиза неожиданно спросила:

– А сам ты чем занимаешься, если не секрет?

– Какой секрет! Получала я.

– Кто-кто?

– Деньги получаю, с кого следует, не слыхала про такую профессию? Ну, конечно, не из мелких я, раскрутился уже.

– Рэкетир, что ли?

– Вот далось вам все американское! Ну, пусть рэкетир, какая разница.

Лиза даже рот приоткрыла. Хотя – что неожиданного, могла бы и раньше догадаться!

– А ты чего так смотришь? Думала, все на химкомбинате работают?

– Да нет… Просто…

Лиза давно уже не думала, что все работают на химкомбинате. В те годы, когда началась ее юность, жизнь менялась так быстро, что все девчонки ее возраста не удивлялись уже ничему. И она не считала себя наивной дурочкой, видящей жизнь через розовые очки. Но все-таки Лиза успела создать для себя какой-то особый, не очень проницаемый для посторонних, мирок, и в нем рэкетиры, да и рестораны, были понятиями почти абстрактными.

Чигирь был настроен порассуждать о превратностях жизни.

– А чего, я человек молодой, потребности кой-какие имеются, да и способностями не обижен. И все ж таки не академик, для бизнеса ума, правду сказать, маловато. По прежним временам мне бы точно на «химии» вкалывать, а теперь дураков нет. Пусть лошадь работает, а я травиться не желаю. А ты что, трудиться любишь, на комбинат пойдешь?

– Я не знаю…

Лиза поймала себя на мысли, что, несмотря на всю разницу между нею и Чигирем, она тоже не собирается работать

на комбинате. Наверное, эта мысль так ясно отразилась в ее взгляде, что Чигирь сразу ее уловил.

– Видишь, и ты не пойдешь, и правильно сделаешь. А знать тебе ничего такого и не надо. Ты, видать, девка чистенькая, домашняя, таким сейчас думать о жизни незачем, все равно не поймут ни хрена. Тебе мужика надо нормального, чтоб он думал.

– Да что ты пристал, в самом деле – мужика, мужика! Не надо мне никакого мужика!

Лиза старалась попасть Чигирю в тон, но это ей плохо удавалось. Очень уж не вязался этот тон ни с голосом ее, ни с внешностью, ни с возрастом…

Неизвестно, как пошла бы дальше их беседа, но тут снова появился официант. Наклонившись над сидящим Чигирем, он стал что-то шептать ему на ухо. Тот помрачнел.

– Та-ак, не понадобится, видать, горячее… Вот что, Лиза, у меня тут дела наметились, кой с кем поболтать придется. Так что уж извини, домой тебя не повезу. Ты посиди пока, покушай, а потом тебя халдей на тачку посадит, я ему скажу. Поняла?

Лиза не знала, кто такой халдей, но кивнула, облегченно вздохнув про себя. Неужели удалось отвязаться от этого непрошеного покровителя? Повезло! Она хотела выйти из ресторана немедленно, но рассудила, что лучше не показываться у входа одновременно с Чигирем, и осталась сидеть. Но – новая напасть! – едва ее спутник поднялся и вразва-

лочку пошел к выходу, Лиза тут же поймала на себе откровенные взгляды парней, компанией сидевших за соседним столиком. Да здесь просто притон какой-то, несмотря на респектабельную обстановку!

Лиза не была искушена в респектабельности, иначе она сразу оценила бы безвкусицу интерьера, дешевое желание хозяев демонстрировать свалившееся на них богатство. Она же просто подумала, что не создана для богатой жизни, поэтому ей и не нравится в дорогом заведении.

«А вдруг он не расплатился за ужин?» – подумала Лиза, похолодев.

От своей одноклассницы Ритки Зуевой она слышала о подобной истории, после которой девушку едва не избили охранники, а потом ей пришлось объясняться в милиции. Этого только не хватало! Но, к счастью, официант снова подскочил к столику.

– Горячее будем заказывать? Или кофе, мороженое? Не стесняйся, девушка, Чиг заплатил!

– Нет-нет, – сказала Лиза с поспешным облегчением. – Я ухожу, мне пора.

– Мамашка волнуется? – насмешливо спросил официант. – И где он тебя выкопал, дурочку такую? Ты бы хоть сказала ему, чтоб одел по-человечески.

Лиза покраснела. Что такого в ее одежде? На ней было довольно приличное платье из дорогой шерстяной ткани красивого темно-зеленого цвета, рукава-буфы пышные, как в

журнале, и подкладные широкие плечи. Много он понимает! Не глядя на официанта, она поднялась из-за стола и пошла к выходу, дав себе слово никогда больше не появляться здесь.

«Каждый должен жить так, как ему положено, – рассуждала Лиза, идя по ночной улице. – Но откуда во мне такое странное смирение, почему бы мне не хотеть того, что я не имею? – возражала она себе самой. – Нет-нет, дело тут не в смирении…»

Лиза понимала, что ей хочется какой-то другой жизни, и почему-то была уверена, что она ждет ее в будущем, хотя даже представить ее себе не могла. Но это бьющее в глаза богатство… Почему оно ей так не понравилось, почему такое отвращение вызывало все, что она увидела сегодня – самодовольный рэкетир, хамски-услужливый официант… От всего этого веяло таким же беспросветным убожеством, которое до сих пор связывалось у Лизы только с нищетой. Оказывается, между нищетой и богатством нет никакой разницы!

Лиза так удивилась и даже обрадовалась этому неожиданному открытию, что остановилась посреди улицы. Вот в чем все дело – в этом самом убожестве, которое она, несмотря на свою неопытность, почувствовала мгновенно! Но где же его нет, и чего же ей искать, и найдет ли она когда-нибудь что-то иное?..

Засыпая в эту ночь, Лиза была уверена, что жизнь ее теперь переменится, станет определеннее и яснее, и, во всяком случае, исчезнет та непонятная скука, которая охватила ее

ни с того, ни с сего…

…Но жизнь не переменилась нисколько. Как будто не было этого вечера, который показался ей таким решающим, как будто не совершала она своего открытия!

Следующим вечером, часов в семь, зазвонил телефон, и, подняв трубку, Лиза услышала голос своего вчерашнего спутника.

– Привет, Лизавета! Ты чего вчера не покушала, как я велел? И смылась куда-то одна, халдей и глазом не успел моргнуть?

Его тон и это королевское «велел» взбесили Лизу, но, к собственному удивлению, она не возмутилась вслух и трубку не положила.

– Ну, ладно, молодо-зелено, – продолжал Чигирь. – Я за тобой заеду через часок, продолжим ужин. Ты вниз спускайся, не под окном же мне орать.

– Я… – только и успела сказать Лиза; ответом ей были короткие гудки.

Лиза сидела у телефона в полной растерянности. Конечно, идти не надо, ведь она сама же это решила вчера. И это так унизительно, подчиняться его воле, ведь она презирает его, да-да, презирает, и этот его уверенный тон ей особенно противен! Загипнотизировал ее этот Чигирь, что ли? Да нет, она совсем не боится его и не чувствует себя кроликом перед удавом. Тогда почему раздумывает сейчас, почему про-

сыпается в ней знакомое любопытство – то же самое, которое и вчера не позволило отказаться от приглашения? И пожалуйста – она уже переодевается, невольно откладывая то зеленое платье, которое высмеял официант!

«Нет, так нельзя, – думала Лиза, прикалывая мамину старинную брошку из крупных гранатов к нежно-розовой крепдешиновой блузке. – Надо хотя бы сказать ему, что это в последний раз! Почему он даже не спросит меня, хочу ли я с ним встречаться?»

Лиза выглянула в окно. «БМВ» уже стояла во дворе, вокруг вертелись мальчишки. Чигирь даже не вышел из машины.

– Ну как, понравилось вчера? – спросил он, едва Лиза села рядом с ним.

– Нет.

– Тогда чего ж сегодня едешь? – усмехнулся Чигирь, ничуть не удивившись Лизиному ответу и заставив ее вновь покраснеть.

Она не знала, что ответить, и ненавидела себя в эту минуту.

– Да ладно, расслабься. А чего тебе еще делать, если не со мной тусоваться, сама подумай? Кругом одна скукота, а так хоть жизнь увидишь. У меня жизнь не скучная, уж чего-чего, а этого нет! И с бабками проблем не будет, тоже дело большое. Так что поехали, выходной сегодня, у Альберта шумно будет, повеселимся.

Чигирь закурил, приоткрыл окно, теплый апрельский ветер ворвался в кабину. Машина неслась по Советской улице, и все было как вчера, и Лизу вдруг охватило чувство бесшабашности. А правда, что ей не нравится? Разве лучше сидеть у видика в Гошином салоне? Ведь она уже и не хотела ходить туда, а пришла же вчера, и в ресторан едет снова, хотя уверена была, что не сделает этого больше. Значит, в такой жизни есть что-то для нее привлекательное, зачем же притворяться, строить из себя недотрогу?

Но посидеть в ресторане им в тот вечер не пришлось.

Едва Чигирь лихо затормозил у мигающего разноцветными лампочками входа, едва обошел машину своей «морской» походкой, чтобы открыть дверцу перед Лизой – и где он этому научился? – как к нему подошли трое. Лиза еще не успела выйти и не слышала поэтому, о чем они говорили, но даже в темноте она видела, как изменился Чигирь. Вместо странно будоражившего Лизу властного и уверенного выражения лицо его исказила жестокая гримаса, что-то животное появилось в нем. Это было не то выражение гнева, которое может сделать человека красивым. В тревоге прильнув к стеклу, Лиза разглядела, как в лице ее спутника смешались страх, ярость, готовность одновременно к унижению и к сопротивлению… Чего хотят от него эти трое?

К счастью, они отошли от машины, скрылись в тени соседнего забора. Лиза быстро распахнула дверцу – бежать, бежать отсюда немедленно!

Но убежать она не успела: Чигирь вскоре вернулся.

– Что-нибудь случилось? – спросила Лиза.

Она взглянула в лицо Чигирю и ужаснулась: лицо его было бледным, глаза бегали… Перед нею был совсем другой человек! Да он ли сидел вчера в ресторане, вальяжно развалившись, он ли уверял несколько минут назад, что только с ним Лиза и увидит настоящую жизнь?

– Что они тебе сказали? – повторила она.

– Д-да так, ничего особенного… Поболтали малек о том о сем… Тебе зачем?

– Ни за чем, конечно, – пожала плечами Лиза. – Я подумала…

– Я ж тебе говорил, не твое дело думать! – сказал Чигирь с неожиданным раздражением в голосе. – Слушай, а ты очень хочешь – ну, в кабак?

– Да вообще не хочу! – возмутилась Лиза. – Я же тебе говорила.

– Мало ли чего ты говорила… Вот что, – неожиданно сказал он, как будто принял какое-то решение, – мы с тобой сейчас в другое место поедем. Может, тебе там еще и поинтересней покажется.

– В какое это еще – другое? – забеспокоилась Лиза. – Никуда я с тобой не поеду! И вообще, я пешком пойду.

Она решительно открыла дверцу машины.

– Куда, куда? – придержал ее Чигирь. – Сиди уж теперь. Дурака я свалял…

Лиза не могла понять, о чем он говорит. Почему не дает ей уйти, какого свалял дурака? На минуту ей стало страшно. Что делать – плакать, просить его, чтобы отпустил? Но она тут же взяла себя в руки. Еще чего, плакать! Кто он такой, чтобы она его о чем-то просила?

И Лиза осталась в машине. Хотя, впрочем, что она могла сделать? Чигирь уже завел мотор, и «БМВ» рванулась с места.

– Может, ты мне скажешь все-таки, куда мы едем? – спросила Лиза, когда они свернули с Советской улицы.

– Не видишь, что ли, в Полоцк едем, – ответил Чигирь, не глядя на нее. – Тут воздух загрязненный, умные люди в Полоцке живут.

– К тебе, что ли? – испуганно спросила Лиза.

Какая же она дура! Нетрудно было догадаться, что ухаживания Чигиря будут недолгими. Вот он и перешел к делу!

– Если бы! – ответил он. – Зря я тебя вчера в кабак привел…

Больше он не произнес ни слова, как ни пыталась Лиза выведать у него хоть что-нибудь. Она заметила, что руки его подрагивают на руле – такие огромные руки с короткими пальцами, на одном из которых красовался золотой перстень-печатка…

Машина остановилась перед двухэтажным домом на берегу реки. Лиза сразу поняла, что это один из тех коттеджей, которые во множестве появились в последние несколько лет

в самых красивых местах Полоцка. На комбинатской, новополоцкой стороне эти люди действительно не селились.

– Выходи, – сказал Чигирь.

На этот раз он не стал открывать дверцу машины перед Лизой, просто ждал, когда она подойдет вместе с ним к железным воротам. Лиза беспомощно огляделась. Может быть, удастся убежать? Но куда? Кругом не было видно ни единого дома, улица была пуста. Да это и не улица была, а какая-то странная местность, похожая на опушку леса. Только Бабы Яги не хватало!

Чигирь поднес руку к кнопке звонка рядом с массивной железной дверью, потом помедлил минуту, оглянулся на Лизу.

– Ты это… Он мужик вообще-то ничего…

– Какой мужик?

Лиза почувствовала, что вся кровь отхлынула от ее лица.

– Я к тому, чтоб ты ничего там… Он, это, не любит, когда с ним по-плохому. Так что ты лучше делай, что скажут. А может, еще и понравится тебе, ты ж молодая еще девка, сравнивать не с чем…

Лиза не могла произнести ни слова. Она тут же представила, что ей могут «сказать» там, за массивными воротами… Но Чигирь уже нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась сразу, как будто за нею ждали их приезда.

– Привез? – спросил коренастый мужчина, приоткрывая

калитку. Лиза не могла разглядеть его лица в темноте, но очертания его плеч ужаснули ее. – Молодец, слушаешься старших. Ты это, далеко не уезжай, погуляй тут пока.

– Долго гулять? – глухо спросил Чигирь.

– Как карта ляжет. – В голосе коренастого послышалась ухмылка. – Может, через часок-другой освободится. Да ты чего, Чиг? Тебе ж сказали, не насовсем, возни с ней много, попробует и отдаст. Не убудет от нее. Тебе ж легче потом – целку не ломать! – Тут собеседник Чигиря коротко засмеялся. – Ладно, жди. Заходи давай, – обратился он к Лизе.

От страха и отчаяния ноги ее приросли к земле. Сама не понимая почему, Лиза замечала в эти мгновения какие-то ничего не значащие мелочи: например, что ноги у нее сразу промокли от вечерней росы – значит, у ворот растет трава.

– Забоялась? – снова коротко хохотнул коренастый. – Ничего, у нас тут хорошо, еще остаться попросишься!

И, не дожидаясь, пока Лиза придет в себя, он схватил ее за руку и втащил в калитку, быстро предупредив:

– Орать не вздумай, все равно никто не услышит, только хозяина рассердишь.

Как в тумане шла Лиза по дорожке к дому. Она вдруг почувствовала, что вот-вот истерически расхохочется. Да это же как в дурацких фильмах, которые крутил по видаку Гоша! Но в то же мгновение ноги у нее подкосились и она не упала только потому, что коренастый спутник крепко держал ее под локоть.

– Э, падать-то не надо! – сказал он. – Нашатыря тут для тебя нету. Да и чего ты боишься, не убьют ведь, наоборот, полное удовольствие получишь. Любишь кататься – люби и саночки возить!

– Где это я каталась? – произнесла Лиза, на минуту овладев собой.

– А по кабакам кто шляется? – сказал коренастый. – Думаешь, хозяин не заметил, что свеженькая целочка к нему в кабак пришла? Почему какой-то Чиг должен первый попробовать – хер у него не дорос!

Они вошли в дом, и Лиза остановилась в просторном холле первого этажа. Здесь было жарко: несмотря на теплый весенний вечер, пылал огромный камин. Трое парней сидели в креслах у камина и о чем-то с хохотом переговаривались. Стола перед ними не было, но на коленях у каждого стояла тарелка с какой-то дымящейся едой. Увидев Лизу, они оторвались от еды и разговора.

– А и правда – ничего! – хмыкнул один из них. – У хозяина глаз-алмаз!

– Эх, когда ж нам таких девочек на дом станут привозить? – гоготнул второй, облизывая пальцы.

– Ты, Рюха, дом такой сначала поимей, а за телками дело не станет, – заметил третий.

Лиза не могла различить их лиц, все они показались ей братьями-близнецами – коротко стриженными, с вросшими в плечи головами; заметила только массивную золотую це-

почку с крестом, висевшую на шее у одного из них.

Не вступая в разговор, коренастый сопровождающий подтолкнул Лизу к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Нажретесь – яйца пообрываю, – на ходу бросил он парням. – Рюха, пойди пока к воротам – мало ли…

Лестница была устлана красной широкой дорожкой, и Лиза едва не споткнулась на ней.

«Упасть бы сейчас вниз и разбиться! – с тоской подумала она. – Все-таки лучше, чем…»

Но, как ни странно, она вдруг успокоилась. Лиза знала за собой эту способность: именно в ту минуту, когда ситуация становилась совершенно безнадежной, ей удавалось овладеть собой, и ее наполняла необъяснимая уверенность в собственных силах.

Провожатый опередил Лизу и постучал в дверь на втором этаже.

– Ты, Гоча? Входи! – раздался голос.

– Все в порядке, Альберт, – сказал коренастый, на этот раз пропуская перед собой Лизу. – Быстро Чиг управился, с ветерком домчал!

– Еще бы не поторопиться, – услышала Лиза и тут же увидела перед собой мужчину лет пятидесяти, сидевшего в кресле у такого же камина, какой был внизу.

«Неужели ему так холодно? – подумала Лиза, стараясь повнимательнее рассмотреть того, кого ее провожатый назвал Альбертом. – Да это же тот самый Альберт, в ресторане у

которого я была!» – тут же догадалась она.

Мужчина, к которому ее доставили, ничуть не скрывая для чего, был одет в длинный парчовый халат с золотыми кистями. Он сидел, забросив ногу за ногу. Прежде чем разглядеть его лицо, Лиза заметила эти волосатые крепкие ноги – и замерла, почему-то не в силах оторвать от них глаз.

«Хоть бы штаны надел», – подумала она и тут же с ужасом поняла: зачем ему штаны?

– Еще бы он не поторопился, раз Альберт сказал, – повторил он. – Это только лохи думают, что Альберт чего-то не может…

Он встал и неторопливо прошелся по комнате. Глядя на него, Лиза едва не рассмеялась – хотя до смеха ли ей было! Но очень уж комично смотрелся этот хозяин жизни и ресторана: внешность простоватого сельского мужичка с соломенными волосами и носом-картошкой, деревенский выговор – и этот парчовый халат и несуразное имя! Да, не таким Лиза представляла себе настоящего мафиози. Впрочем, от этого он был еще противнее, и еще страшнее было представить, что она полностью находится в его власти.

– Иди, Гоча, иди, свободен, – сказал Альберт, и в голосе его промелькнуло нетерпение.

Понимающе ухмыльнувшись, Гоча вышел из комнаты, и Лиза посмотрела вслед этому громиле едва ли не с сожалением: все-таки хоть какой-то человек рядом, не станет же при нем этот Альберт…

– Что, уже запугали тебя мои хлопцы? – спросил Альберт, стараясь, чтобы на лице у него было выражение значительности. – Холера на них, никогда не дадут спокойно с девкой полюбиться, по-человечески – всегда приведут с мокрыми трусами! Ну-ну, я не страшный. – Он успокаивающе похлопал Лизу по плечу. – Ишь, плечико какое мягенькое – да-а, хороша ты! Как это я сразу не разглядел? Зря Чигу пообещал, что скоро верну… Да ты садись, в ногах правды нет.

С этими словами он снова уселся в кресло, и Лиза последовала его примеру. Правда, второго кресла в комнате не было, и ей пришлось присесть на край широкой кровати в углу.

– Что, нравится у меня? – спросил Альберт, довольно обводя взглядом комнату. – Камин, видишь, все как у людей!..

– Жарко же, – наконец произнесла Лиза.

– Ничего, не спаришься – горячее будешь. Я люблю, чтоб тепло, – возразил Альберт. – Тебя как звать-то – забыл я Чига спросить?

– Лиза.

– Ишь ты, редкое какое имя, – сказал Альберт.

– А почему тебя так странно зовут? – спросила Лиза.

«Что ж, не кидается с порога – и на том спасибо, – подумала она. – Почему бы не поинтересоваться?»

– Да мамка назвала – дура потому что, выпендриться хотела по-городскому, – недовольно поморщился Альберт. – Ну, ничего, я теперь в люди вышел, смеяться некому!

Лиза сама удивлялась своему спокойствию – как будто она

сто раз бывала в подобных ситуациях! Наверное, и Альберту это показалось удивительным.

– Да ты правда, что ли, целка? – спросил он, прищурив маленькие голубые глаза с белесыми ресницами. – Что-то больно спокойная…

– А чего мне беспокоиться? – Лиза вздрогнула от его циничного вопроса, но постаралась не подать виду, что ей противно. – Ты уж обо всем побеспокоился, наверное…

– Это да, – согласился Альберт. – На меня ни одна девка еще не обижалась, все довольные уходят. Одна, помню, замуж собиралась как раз. Уж так плакала, так вопила: первая брачная ночь, то да се. А потом пожалуйста – еще благодарить приходила. Моему, говорит, до тебя далеко. Пить что будешь?

– Ничего.

– Это зря. Девке выпить – первое дело, сразу мужика захочется. Ну, я выпью, а ты раздевайся пока, раз спокойная такая. Погляжу, как у тебя получится.

С этими словами он протянул руку к каминной полке, взял оттуда початую бутылку водки и большую хрустальную рюмку. Рядом с бутылкой и рюмкой стояла тарелка с изображением Ромео и Джульетты – такая же, какие подавали в ресторане. Альберт пальцем подцепил с нее кусок ветчины.

Лизу едва не вырвало: так смачно он крякнул после выпитой рюмки, так зачавкал ветчиной. Настоящий председатель колхоза, зазвавший уборщицу к себе в кабинет после рабо-

ты! И на нее смотрит так сыто – даже не верится, что ему действительно хочется женщину…

– Давай, давай, раздевайся, – поторопил Альберт. – А то у меня встанет, а ты не готова, я такое дело не люблю.

Лиза беспомощно оглянулась – помощи ждать было неоткуда.

«Ни за что не разденусь сама! – решила она. – Пусть насилует, если сможет».

– Ты чего? – подозрительно посмотрел на нее Альберт. – Передумала? Ну вот, а я уж подумал – спокойная блядюшка какая… Ты мне эти штучки брось. Думаешь, я за тобой гоняться буду, как петух за курицей? Позову сейчас хлопцев, чтоб раздеться помогли да подержали. Здоровье у меня небось не казенное, за тобой бегать…

«Господи, неужели это происходит со мной? – думала Лиза, чувствуя, как слезы подступают к горлу. – Ведь я знать не знала обо всей этой жизни, и совсем рядом, какой-нибудь час ехать, мама сидит перед телевизором, и уже, наверное, на часы поглядывает – где это я, и, может быть, Коля звонил, а я здесь, с этим белобрысым мужиком, и сейчас он позовет своих бандитов…»

Наверное, эти перепады между смелостью и отчаянным страхом отражались на Лизином лице. Альберт встал и сделал шаг к ней. Его парчовый халат распахнулся, и Лиза с ужасом увидела, что на нем не было даже белья; мелькнули густые волосяные заросли… Она вскрикнула.

– Не ори, не ори! – прикрикнул на нее Альберт. – Говорю же, довольна будешь.

Он подошел к Лизе и по-хозяйски принялся расстегивать на ней розовую блузку.

– Понацепляла брошек, – ворчал он. – Палец наколол из-за тебя…

Теперь Лиза видела, что Альберт хочет женщину: он запыхтел, лицо его налилось кровью, пальцы уже не расстегивали маленькие пуговки, а торопливо рвали их; сломанная застежка лифчика больно царапнула Лизу по спине.

– Юбку задери! – прохрипел он, сдавливая обнажившуюся Лизину грудь. – Да стопчи ты ее совсем, живо!

Но вместо того чтобы задрать юбку, Лиза уперлась коленом ему в обвислый живот и резким движением оттолкнула от себя.

– Не хочешь, значит, по-хорошему… – Альберт задыхался, на лбу его выступил пот. – Ну, ладно, я тебя предупреждал!

Он бросился к двери, распахнул ее.

– Гоча! – крикнул в коридор. – Где ты, холера на тебя! Сюда иди!

Снизу доносился какой-то шум, даже крики.

– Нажрались, суки! – завопил Альберт. – Ко мне, говорю!

Он уже успел сбросить свой парчовый халат, и Лиза видела, как трясется его дряблый голый зад. Она соскочила с кровати, вжалась в стенку у камина. Даже окна не было в этой

проклятой комнате, все стены завешаны коврами! Вдруг Лиза заметила тяжелые каминные щипцы и быстро схватила их, едва не обжегши пальцы. Пусть попробуют подойти – хоть один из них ее запомнит!

На лестнице послышались торопливые шаги – кажется, Гоча спешил к хозяину не один.

«Сволочь! – промелькнуло в голове у Лизы. – Толпу мужиков зовет, чтобы женщину для него держали!»

Альберт обернулся к ней, и на лице его появилась самодовольная ухмылка. Он не сразу заметил Лизу за выступом камина, потом закричал:

– Э-э, железку-то брось! Брось, сказал, железку!

Но Лиза смотрела уже не на него – голого, волосатого, – а на тех людей, которые ворвались в открытую дверь. Их было трое или четверо, в руках у них были пистолеты. Гочи среди них не было – но, может быть, это были те парни, что сидели в холле, ведь она не рассмотрела их толком?

– Вы что там, с-с… – начал было Альберт, но тут же замолчал, отшатнувшись от двери и затравленно глядя на вошедших. – Вы чего, мужики, откуда тут, а?!

Не говоря ни слова, первый из них ударил Альберта по шее ребром ладони. Когда тот с коротким вскриком упал, второй спокойно и деловито, почти вплотную подойдя к Альберту, дважды выстрелил ему в голову.

Лиза зажала рот рукой, стараясь слиться с каминным выступом.

«Только бы не заметили, только бы…» – вертелось у нее в голове.

– Готов? – быстро спросил первый из неожиданных гостей. – Все, хлопцы, по коням, ловить тут нечего.

– Погоди, я водяру возьму, небось не паленая у него, – сказал второй, засовывая за пазуху недопитую Альбертом бутылку.

Они вышли из комнаты, и Лиза услышала топот их ног на лестнице; потом стало тихо. Она осторожно выглянула из своего убежища.

Альберт уже не хрипел – он лежал в луже крови, вместо головы у него было какое-то жуткое месиво. Лиза почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Бежать, бежать отсюда! Не застегнув блузку, сжимая в руке лифчик, она бросилась к двери, перепрыгнув через голое окровавленное тело.

Она едва не свалилась с лестницы, споткнувшись обо что-то – дорожка, что ли, сбилась? Труп Гочи как-то странно свисал с лестницы – как будто он повесился на ней: были видны только синие костяшки цеплявшихся за дорожку пальцев да голова, зажатая между опорами перил. Стараясь не смотреть в его сторону, Лиза сбежала вниз.

Где же те трое парней, что сидели в креслах у камина? Может быть, выскочат сейчас откуда-нибудь, схватят ее? Или вернутся те, налетчики? Лихорадочно озираясь, Лиза искала входную дверь – не запомнила от страха расположения комнат, когда шла сюда. Да вот же она, приоткрытая!

Она выбежала из ярко освещенного дома во влажную ночную тьму. Неужели ворота закрыты, что же тогда делать? Впрочем, Лиза чувствовала, что легко перемахнет сейчас через любой забор.

Прыгать ей не пришлось: железная калитка была открыта настежь. Лиза хорошо ориентировалась даже в совершенно незнакомой местности и, мгновенно сообразив, откуда привез ее Чигирь, бросилась бежать по проселку туда, где посверкивали в темноте огни полоцких домов. Сырая, чуть прибитая ночной росой пыль вихрилась у нее под ногами.

Услышав гул машины у себя за спиной, она отшатнулась в придорожные кусты. Машина с выключенными фарами остановилась, водитель выскочил на дорогу.

– Эй, Лиза! Лизавета! – услышала она приглушенный крик и тут же узнала Чигиря. – Да не бойся ты, садись скорее!

Не раздумывая, подчиняясь только инстинкту, который безошибочно подсказывал ей, что надо делать, Лиза вырвалась из кустов и подбежала к машине.

– Живая? – спросил Чигирь, и в голосе его не было ни тревоги, ни удивления, только какой-то торопливый страх. – Поехали, покуда нас тут не прищучили!

Машина вихрем неслась по дороге. В центр города Чигирь въезжать не стал – вильнул на окраинные улочки и запетлял по ним к мосту.

– В Новополоцк поедем, – объяснил он, точно Лиза сама

этого не понимала. – Подальше надо отсюда…

Даже в темноте было видно, какое бледное у него лицо, как трясутся щеки. Лиза едва сдерживала волну ярости и отвращения, которая накатывала на нее. Никогда она не думала, что может кого-нибудь так ненавидеть! Даже голый Альберт вызывал у нее только брезгливость…

Чигирь тем временем торопливо объяснял:

– Наехали на него, понимаешь? Они уже давно из-за кабака этого – я-то знал… Задолжал он им, а отдать не мог. Ну, они типа – кабаком расплатишься, а ему-то жалко, он такой куркуль прижимистый, лучше сдохнет, чем свое отдаст! Ну, вот и…

«Пропадите вы пропадом с вашими кабаками, наездами, машинами! – думала Лиза. – Доехать бы только до города…»

– Тебя не видели? – спросил Чигирь и тут же сам себе ответил: – Не видели, ясно дело, а то б не выпустили. Ты теперь не бойся – те трое, Рюха и Братила с Жигой, на нового хозяина будут работать, им до тебя дела нет. Но пока что лучше залечь, не показываться нигде – в кабаке там, ну, где народ трется… – Он наконец глянул на Лизу и сочувственно спросил: – Что, отходняк начинается? Неужто он успел?.. Они ведь сразу почти подъехали, как ты зашла. Я аж обрадовался: хрена, думаю, ему теперь!

– Обрадовался? – тихо сказала Лиза. – Обрадовался ты?.. – Она чувствовала, что больше нет у нее сил сдерживать себя. – Да тебя убить мало, подонок, это же ты меня ту-

да привез!

– Ну чего ты, чего? – сказал Чигирь примирительно. – А что ж мне было делать, Альберт-то самый крутой был, куда против него попрешь? Если б не грохнули его… Зря я, конечно, в его кабак тебя привел, да уж больно похвастаться хотелось…

«Что толку с ним говорить, что ему можно объяснить?» – вдруг подумала Лиза.

Может, Чигирь и хотел бы понять, но в том мире, в котором он жил, ему лучше было ничего не понимать. У Лизы даже зла на него не осталось – только усталое отвращение.

– Домой тебя отвезти? – спросил Чигирь. – Глянь, уже почти приехали. Ну ладно, ладно, кто старое помянет… А может, со мной поедешь, а? Я, правда, не домой сейчас – от греха подальше. Но если хочешь, нашли бы нормальную хату. Ты как?

– Да пошел ты! – отмахнулась Лиза. – Тебе плюй в глаза – божья роса…

– Малая ты еще, – снисходительно усмехнулся Чигирь. – Скажи спасибо, что сухой из воды вышла, а ты мораль разводишь!.. Я ж говорил – такой, как ты, мужик подходящий нужен.

Лиза не ответила – да и что ему можно ответить? Она только сейчас заметила, что стягивает на себе незастегнутую блузку. Как это он еще не потянулся лапами к ее груди – и на том спасибо! Она застегнула уцелевшие пуговки, даже

брошка болталась у ворота.

«БМВ» остановилась у ее подъезда. Хорошо, что так поздно – по крайней мере, соседки не сидят на лавочке. Ни слова не говоря Чигирю, Лиза распахнула дверцу и выскочила из машины.

– Я позвоню! – крикнул ей вслед Чигирь. – Сама подумай, ну куда ты денешься!..

«Куда ты денешься, куда ты денешься!» – звенело у нее в ушах.

Лиза остановилась в полутемном подъезде, прислонилась к прохладной стене. Все, что ей пришлось пережить какой-нибудь час назад, показалось кошмарным сном.

«Неужели со мной это было? – подумала она точно так же, как там, в доме Альберта. – Какие разные жизни, как же это они вдруг соединились во мне? И я еще находила все это привлекательным, и я клюнула на удочку этой дешевой бандитской романтики! Так мне и надо, дуре набитой!»

Она вспомнила кровавое месиво, в которое превратилась голова Альберта, синие костяшки мертвых Гочиных пальцев… Но это воспоминание почему-то не ужаснуло ее, хотя тошнота снова подступила к горлу.

«Господи, отчего ж я такая бездушная? – подумала Лиза. – Все-таки ведь людей убили…»

Но сейчас у нее не было сил для того, чтобы разбираться в своих ощущениях.

«Потом, потом! – мелькнуло в голове. – А лучше бы – ни-

когда…»

Но и сразу пойти домой она не могла. Наверное, и правда начался «отходняк» – ее била мелкая дрожь, холодный пот катился по лбу, губы свело. И вместе с тем мысли прояснялись, она снова видела себя рядом с этим загородным домом, потом в комнате с камином – но словно бы со стороны, словно не с нею все это происходило.

«А это и было не со мной, – вдруг ясно поняла Лиза. – Этого не может быть со мной, пока я – это я. Наверное, потому я и не боялась – я не боялась этой чужой, невозможной жизни…»

Надо было прийти в себя, нельзя же было вернуться домой в таком виде. Хорошо еще, если мама в милицию не позвонила. Лиза поднесла к глазам руку с часами – половина третьего! Она быстро достала из кармана платок, вытерла пот с лица. Странно-то как, ведь даже не заплакала ни разу за весь этот кошмарный вечер! Коса была заплетена туго, и волосы почти не растрепались. Чтобы унять дрожь в пальцах, Лиза все-таки поправила прическу и, набрав побольше воздуха, пошла вверх по лестнице.

Чигирь ей больше не позвонил.

«Может быть, он хоть что-то понял?» – думала Лиза.

Хотя скорее – он просто исчез, как мог исчезнуть любой из тех, что стали хозяевами жизни, не чувствуя ее неотменимых законов.

Куда ты денешься?

Глава 3

Лиза окончила школу на пятерки, и только годовая четверка по физике, полученная в десятом классе, не позволила ей получить золотую медаль. Но это ей было безразлично – золотая, серебряная, какая разница? Настроение, в котором она заканчивала школу, было то ли растерянностью, то ли апатией – она не понимала.

Позвонил из Москвы Николай, поздравил с успешным окончанием.

– Куда теперь, Лизонька? – звучал его голос в трубке. – Может, в МГУ попробуешь?

Москва! Сердце у Лизы дрогнуло и забилось быстрее. Об этом можно было только мечтать… Но надо реально смотреть на вещи. Ну куда ей поступать в МГУ, да и в любой московский вуз? Она ведь совсем не готовилась, учеба просто давалась ей легко, потому и окончила хорошо, но ведь этого мало для Москвы. А главное, Лиза была совсем не уверена, что хочет учиться дальше. Студенческая жизнь в Москве, конечно, казалась ей привлекательной, но именно студенческая жизнь, какой она себе ее представляла, а вовсе не учеба. Она смутно чувствовала, что сама учеба покажется ей скучной; она даже побаивалась мертвых знаний, из которых состояла для нее химия – ведь Коля наверняка говорил о химфаке, который окончил сам.

– Может, на историю пойдешь? – робко спросила мать, которую просто пугало настроение Лизы в последнее время, странное безразличие дочери. – Или вообще на что-нибудь гуманитарное? Ведь Наташа в МГУ работает, неужто не поможет?..

Но Лиза только отрицательно покачала головой. Конечно, история – не химия, но все равно: разве она хочет быть историком? Правда, она и сама не знает, чего хочет, но тогда и не надо беспокоить Наташу. Лиза заранее представила, как невестка будет к кому-то ходить, кого-то убеждать в ее, Лизиной, одаренности, просить помочь… И для чего все эти хлопоты?

Но поступать в институт ей все же пришлось. Конечно, в свой же Новополоцкий политех, куда еще? Все ее одноклассники, которые не решили, куда податься, и не хотели идти на химкомбинат, поступали в политех; к тому же для ребят это была единственная возможность получить отсрочку от армии.

В приемную комиссию Лиза отправилась только в начале августа, едва ли не в последний день, когда еще принимали документы. Настроение у нее было немного праздничным, хотя с чего бы, кажется? Она давно смирилась с мыслью, что надо просто пойти по проторенной дорожке, раз ничего получше выдумать не в состоянии, и отнести документы в политех, а там видно будет. Ей только что исполнилось восемнадцать, и она казалась себе совсем взрослой, даже самой

было смешно.

Утром она одевалась особенно тщательно. Низко, так, что волосы волнами легли на щеки, заплела свою густую косу – предмет неустанной борьбы с мамой, которая сказала, что умрет от инфаркта, если Лиза надумает эту косу хоть немного укоротить. Надела итальянскую голубую блузку – Колин подарок к прошлому дню рождения: эта блузка была у нее выходной, самой нарядной, Лизе нравился и цвет ее, и тонкая, матово-прозрачная ткань. Она давно уже слегка подкрашивала глаза – не ресницы, которые и так были у нее густыми, темными, в отличие от светло-пепельных волос, – а только веки, оттеняя прозрачную зелень глаз. Губы она не красила: попробовала однажды перед зеркалом и тут же стерла – даже самая светлая помада делала ее лицо каким-то вульгарным; так ей, во всяком случае, показалось. У нее были изящные лакированные туфли на шпильках, и, хотя она чувствовала себя в них немного неуверенно, ей нравилось надевать их: очень уж по-взрослому, по-настоящему элегантно, выглядели в этих туфлях ее стройные ножки с тонкими щиколотками.

Институт был недалеко от дома, и Лизе не пришлось карабкаться на своих шпильках в автобус. Правда, от ходьбы ноги немного устали с непривычки, но и это не портило настроения. Август был теплым, светлым, робкие облака едва видны были в ясном небе. Золотые солнечные пятна трепетали на асфальте в кружевных просветах древесной тени, и

Лизе хотелось перепрыгивать по этим солнечным зайчикам, только вот мешали высокие каблуки. Какие-то легкие мысли вертелись в ее голове, не печалили и не запоминались, и она понимала только, что жизнь так же светла, как этот августовский день, и так же непонятно, откуда льется этот свет, – отовсюду.

– Что ж это вы, Успенская, так поздно документы сдаете? – кисло скривилась женщина в приемной комиссии, пролистав ее бумаги. – Быстрее надо определяться, можно подумать, у вас большой выбор!

От этих слов Лизу снова охватило уныние. Ну хоть бы притворялись они для торжественности, хоть бы вид делали, что здесь интересно! Лицо у женщины, принимающей документы, было усталое и безразличное, бретельки цветастого сарафана впились в потные плечи. И вдруг, словно отвечая Лизиным мыслям, ее позвал кто-то из-за соседнего приемного столика:

– Девушка, девушка, а может, вы мне будете документы сдавать? У вас какая буква? У – вот и отлично, у меня как раз У, присаживайтесь ко мне, не стесняйтесь.

Оглянувшись, Лиза увидела молодого человека, приветливо махавшего ей рукой. Его нельзя было назвать красивым – по инстинктивной женской привычке Лиза всегда сразу оценивала мужскую внешность, – но было в его худом, угловатом лице что-то располагающее.

– На химико-технологический решили? Приветствую, у

меня, значит, будете учиться, – сказал молодой человек, вписывая фамилию Лизы в регистрационный журнал.

– А может быть, я еще не поступлю? – улыбнулась она.

Молодой человек поднял глаза, ободряюще усмехнулся:

– Поступите, поступите, отчего же вам не поступить. У нас конкурс – меньше человека на место, конкуренция невелика. Разрешите представиться – Адамушкин Валентин Казимирович, преподаватель вашего будущего факультета. На картошку поедете?

Лиза растерялась от такой решенности своей судьбы. Шевельнулось в душе легкое разочарование – значит, даже волнения, связанные с поступлением, ее не ждут, все уже заранее ясно. Какой все-таки пресной, предсказуемой стала жизнь! Она вспомнила, как поступал Коля: мама ночей не спала, караулила каждый телефонный звонок, валидол пила… Но Лиза тут же одернула себя: тоже мне, романтики захотелось – Коля-то в Москве поступал, бредил химией, а она? Ну и не на что обижаться!

В это время будущий ее преподаватель с явным интересом смотрел на Лизу. Она встретила его взгляд, стараясь не отводить глаза. Пусть хотя бы смутится немного, чего это он ее так разглядывает! Но тот не смутился, и своих глаз тоже не отвел. Тогда и Лиза стала рассматривать его с напускной беззастенчивостью – сама не зная для чего, просто из озорства.

Валентин Казимирович был сутул, широк в кости и, на-

верное, высок ростом. Это было заметно даже сейчас, когда он сидел за столом. Лицо у него было какое-то унылое, несмотря на приветливое выражение. Может быть, это впечатление создавалось из-за его длинного, обвислого носа, которым он то и дело шмыгал. Наверное, он давно не стригся: темно-русые волосы нависали над ушами. Значит, холостяк. Лиза заметила, что со времен подорожания парикмахерских большинство неженатых мужчин стали ходить нестриженными или с какими-то странными прическами, наводящими на мысль, что они сами стригутся перед зеркалом.

«Ботинки у него точно не чищены», – подумала Лиза и едва не заглянула под стол, но вовремя смутилась.

– Ну вот, готовы ваши документы. Дома изучите повнимательнее, там все указано насчет экзаменов. – Валентин Казимирович вернул ей бумаги. – Так что ждем вас, Елизавета Дмитриевна, на экзаменах и на картошке. Я, кстати, там тоже буду.

Поблагодарив, Лиза вышла из душного помещения приемной комиссии. Ее интерес к Валентину Казимировичу испарился, едва она закрыла за собою двери.

Валентин Казимирович не обманул: экзамены Лиза сдала на пятерки. Однажды она даже заметила, что преподавательница поставила ей оценку, едва она произнесла две первых фразы… Найдя свою фамилию в списке поступивших, Лиза не испытала ничего, кроме разочарования – впрочем, ставшего для нее привычным.

После этого она медленно шла по тихой улице к дому. День был дождливый, мелкие капли шелестели по ее зонтику, дома глядели заплаканными окнами. Но дело было совсем не в погоде. Прежде Лиза удивлялась, если кто-нибудь говорил ей, что испытывает тоску во время дождя. Она всегда была сама по себе, природа не имела над нею власти, хотя, живя в маленьком городе у большой реки, Лиза была словно напитана природой: не вглядываясь, видела каждое изменение красок вечернего неба, чувствовала, как набухает сыростью ночной воздух над Двиной. Но внутренняя ее жизнь никому и ничему не была подвластна. И что-то разладилось вдруг в этой жизни…

Друзья любили Лизу за легкий характер, за вечно хорошее настроение. Наверное, то ожидание радости, которым сияли ее глаза, невольно передавалось каждому, кто с нею говорил. Даже тот, кто чувствовал, что эта милая и не очень понятная простому уму девушка сильно отличается от своих подруг, – даже тот человек непременно замечал ее веселый, счастливый нрав, и этого было достаточно, чтобы полюбить ее.

Лизе и самой казалось странным, что с недавних пор настроение ее стало таким переменчивым. Даже в отроческие годы, когда ее подружки «психовали», ссорились с родителями, плакали из-за ерунды, – даже тогда Лиза оставалась ровной всегда и со всеми. А теперь, когда ее ровесницы уже и замуж собирались, она тосковала без видимой причины…

На картошку отъезжали рано утром от института. Лиза едва не опоздала – первый автобус уже трогался с места. К счастью, она услышала, как ее громко зовут из последнего:

– Елизавета! Скорее, ваша группа вся здесь!

Она вскочила на подножку, дверь захлопнулась за нею, и она тут же увидела Валентина Казимировича. Тот был явно обрадован встречей с Лизой. Наклоняя голову, чтобы не задеть потолок низенького автобуса, он прошел по узкому проходу, взял у Лизы сумку.

– А я уж, грешным делом, подумал, что вы не поедете! Я ведь у вас, знаете, куратором буду – и на картошке, и потом. Прошу любить да жаловать!

Кто-то уже открывал пиво на заднем сиденье, девчонки затягивали песню про долины и взгорья. Лиза села рядом с Валентином Казимировичем. Путь был недолгий: поля начинались почти у самого города, они темно зеленели и золотились в утренних лучах сентябрьского солнца, и недлинная колонна старых автобусов терялась среди полей.

Их поселили в здании старой школы в полузаброшенной деревне. Даже на центральной усадьбе не много жило людей, а уж здесь-то, казалось, и вовсе царило безлюдье и безмолвье. Но это понравилось Лизе: разве в деревню ездят ради шумной компании? Впрочем, их студенческая компания была достаточно шумной. Ребята быстро выяснили, кто из местных старушек подешевле продает самогон, девчонки-студентки уже на второй день оказались разобраны дере-

венскими и институтскими кавалерами. А Лиза неожиданно осталась одна, без спутника, и, не расстроившись, слегка удивилась этому: такое случилось впервые.

Только дня через три Лиза поняла, в чем дело: да ведь ее сразу признали подружкой куратора! Валентин Казимирович так откровенно ухаживал за нею, что ее, наверное, просто постеснялись отбивать – сказывалась все-таки студенческая табель о рангах. Этого еще не хватало! Лиза чуть не заплакала, сделав это открытие. Да что же это за предначертанность такая преследует ее повсюду, почему все заранее известно о ней, и кому?

Ей совсем не нравился Валентин Казимирович, ну вот ни капельки не нравился! Он не был ей даже мимолетно любопытен, как однажды рэкетир Чигирь. Но Валентин Казимирович, кажется, не замечал этого. Он выделял Лизу из всех студентов, помогал ей спрыгивать с грузовика, возившего их на брюквенное поле, встречая возле столовой, оборудованной под навесом из пленки, непременно заводил длинный разговор неизвестно о чем. Девчонки смеялись:

– Ты бы, Лиз, его попросила, чтоб лучше освобождение дал от работы, чем глазки строить!

Лиза просто не знала, куда деваться от ухаживаний Валентина, а он не отставал. Она не испытывала ни малейшего смущения от того, что приходится откровенно избегать взрослого человека, преподавателя. Ей становилось тоскливо, когда она видела его сутулую фигуру, маячащую возле

столовой в ожидании, когда она там появится.

Здесь, на свежем воздухе, Лиза еще более похорошела: исчезла появившаяся было бледность, нежный румянец не сходил со щек. Однокурсница Маринка научила ее по-особенному повязывать цветастый платок перед работой, и ее округлое лицо казалось в этом платке тонким, несколько светлых завитков выбивались на лоб и щеки. Иногда, рассеянно глядя перед собою, Лиза теребила эти завитки, как теребят травинку. Стоило ли удивляться, что долговязый куратор глаз с нее не сводил!

Ей как-то удавалось избегать его навязчивого внимания, но сколько же это могло продолжаться, раз уж они оказались, как на острове, в этом скрипучем деревянном доме, стоящем среди высоких сосен? Как ни старалась Лиза все время быть на виду, среди девчонок – у тех были свои кавалеры, и она чувствовала себя глупо, пытаясь присоединиться к парочкам.

А тут, как назло, кто-то выдумал отмечать день именинника, чтобы разнообразить деревенскую жизнь. Готовились к празднованию с воодушевлением. Парни, конечно, в основном были заняты закупкой водки и самогона, девчонки, валяясь вечерами на кроватях, пробовали одолженную друг у друга косметику, примеряли чужие наряды и обсуждали праздничное меню. Было что-то натужное в этой подготовке к веселью: в глубине души все девчонки знали, что оно выльется в обычную пьянку, что никто не заметит их тща-

тельно отрепетированной косметики, что их кавалерам уже после второй все равно будет, чем закусывать… Лиза оставалась безучастна ко всему этому и только делала вид, будто ей хоть что-то интересно.

Праздновать решили в субботу, чтобы назавтра спокойно выспаться, не спеша на работу с раскалывающейся головой. День выдался ясный – первый день прозрачного бабьего лета после зарядивших было дождей, – и столы накрыли прямо на широкой поляне перед домом.

В последнюю минуту, поддавшись общей предпраздничной лихорадке, Лиза тоже сделала новую прическу – высоко заколола волосы, оставив несколько специально подвитых локонов падать вдоль щек. Она надела единственное захваченное с собою платье – голубое, из тонкой ткани, оно очень шло ей. Девчонки дали ей белую пуховую шаль, в которой можно было сидеть на улице в этот теплый вечер. В этом наряде, с этой прической, Лиза была похожа на девушку из совсем другого, давно ушедшего времени…

Из-за этих торопливых приготовлений она пришла позже, когда все уже расселись за столами, и, конечно, ей досталось место рядом с Валентином Казимировичем. Сегодня и он принарядился: надел пушистый светло-серый пуловер, чистую рубашку вместо всегдашнего свитера, даже галстук. Но волосы его по-прежнему висели над ушами и казались немытыми.

Он привстал, когда Лиза подошла к столу, и, как только

она села рядом, начал накладывать нехитрые закуски на ее тарелку.

– Грибочков жареных попробуете, Лиза? – суетился он. – У бабки Зиновьевны купили вчера, она в грибах понимает, не опасайтесь. А пить что вы будете? Я-то водку предпочитаю, но для девушек взяли вино. Портвейн, сухое, вам что?

Лиза не любила пить – не из-за самого вина, а просто из-за того, что любая пьяная компания была ей скучна своей предсказуемостью. Вот сейчас начнут пить за женщин, потом вовсе без тостов, потом затянут вразнобой песню про мороз, потом начнутся пьяные поцелуи, крики и, может быть, вспыхнет драка… Хоть бы раз ошибиться!

– Я сухого выпью.

Холодное кислое вино немного взбодрило, Лизе стало веселее.

– Вы, я вижу, одиноко себя чувствуете в этом коллективе? – пытаясь заглянуть в глаза склонившейся над тарелкой Лизе, сказал Валентин Казимирович. – Я вас, Лиза, очень хорошо понимаю…

Лиза не отвечала, делая вид, что увлечена грибами. Да они и в самом деле были вкусными, есть их было приятнее, чем слушать Валентина. Он замолчал, терпеливо дождаясь, когда она поест, потом продолжал:

– Меня иногда тоже охватывает такое чувство, будто я чужой среди людей…

Лиза едва не засмеялась: так глупо, не к месту звучали

эти слова, такая в них была неестественность и натужность. Но ей не хотелось без причины обижать Валентина, и она сдержала готовый вырваться смех. Есть ей тоже больше не хотелось, и она сидела, не зная, чем еще заняться за шумным столом. А веселье уже разгорелось. Действительно, затянули песню; Витька Марков, сидевший слева от Лизы, щупал под столом коленку Марины, не забывая опрокидывать стопку за стопкой; Валентин Казимирович тоже раскраснелся от выпитого.

– Лиза, – неожиданно предложил он, – может быть, лучше прогуляемся? Вы, кажется, не очень веселитесь здесь?

Лизе совсем не хотелось идти куда-то с Валентином Казимировичем, но это был хороший повод улизнуть из-за стола, не вызвав разговоров о том, что «Успенская сильно много о себе понимает». Поэтому Лиза утвердительно кивнула и поднялась из-за стола за поспешно вскочившим Валентином Казимировичем. Соседка Марина понимающе посмотрела ей вслед и придвинулась поближе к Витьке Маркову.

Они обогнули здание школы, прошли по пустынной деревенской улице с покосившимися домами и вышли к Полоте. Река была здесь неширокой, спокойной, приятно было сидеть на берегу под ивами и смотреть, как медленно плывут по течению осенние золотые листья. Валентин сел рядом.

– Лиза, я давно хотел вам сказать… Я сразу заметил, что вы не такая, как все. Я всегда мечтал о встрече с такой девушкой, которая в состоянии понять… Это убожество, эта

житейская грубость… Только женщина – тонкая, понимающая – может от этого спасти, – бормотал Валентин, придвигаясь поближе к Лизе.

– А почему вы думаете, что я должна вас спасать? – спросила Лиза, отодвигаясь от него.

– Нет-нет, вы не должны, конечно, – продолжал Валентин, не оставляя своих попыток сесть вплотную к ней. – Но мне казалось, что и вы одиноки, я почувствовал в вас родственную душу…

Изо рта у него пахло, на руках были цыпки, и Лиза не чувствовала ничего, кроме отвращения, несмотря на то что никто не говорил ей прежде ничего подобного. Как все-таки странно: он говорит об убожестве, которое не может выносить, а от него самого этим убожеством веет куда больше, чем от Витьки Маркова, который сейчас спьяну тискает Марину! Как бы избавиться от его общества, от этой неловкости?

– Как же вы, Лиза, выдерживаете все это, ведь вы производите впечатление ранимого, чувствительного человека? – Валентин совершенно не замечал, какие чувства он вызывает в Лизе.

– Да никак не выдерживаю, Валентин Казимирович. – Лиза решительно поднялась с земли, отряхнула платье. – Если выдерживать все время, то и с ума сойти недолго. Раз живешь – живи, а не можешь так – ищи другую жизнь.

Валентин удивленно посмотрел на Лизу. Видно было, что

он никак не ожидал от нее таких решительных слов, не подозревая в ней ничего, кроме готовности разделить его тоску.

– Но я думал, что и вы ощущаете…

– Ощущаю, не ощущаю – какая разница? – Лиза злилась и на него, и на себя: зачем согласилась идти с ним куда-то, можно было как-нибудь иначе сбежать с праздника. – Я ведь живу, правда? Ну и какое вам дело, как я живу? Вы мне кто – брат, сват?

Оказывается, когда лезут в твою душу – это еще неприятнее, чем когда вообще не догадываются, что она у тебя есть! Лизе до сих пор не приходилось общаться с такими людьми, как Валентин – все-таки преподаватель, наверняка умнее ее! Почему же она чувствует презрение к нему, разве она такого уж высокого мнения о себе? У Лизы уже мелькала прежде мысль: а не слишком ли она высокомерна? Иначе почему появилась вдруг эта скука, почему ничто в привычной жизни не вызывает больше интереса? Вот и сейчас: совсем новый для нее человек, какой-то совершенно новый характер, а ей хочется уйти поскорее, и только…

Ранние сентябрьские сумерки сгущались меж деревьев, от реки тянуло сырой прохладой. Лиза поежилась под своей белой шалью. Валентин сидел в унылой позе, его длинный отвислый нос еще усиливал впечатление безнадежности. Лизе на минуту стало жалко его. Ну разве он виноват, что родился с таким нудным характером? Она даже хотела что-то сказать ему, попытаться успокоить и утешить, но тут же пред-

ставила, как он немедленно оживится и опять начнет говорить что-нибудь про тоску и ранимость, – и промолчала.

– До свидания, Валентин Казимирович. Вы извините меня, что я так грубо с вами разговаривала, – сказала Лиза вместо слов утешения.

Но, наверное, в самом ее голосе было что-то для него привлекательное, независимо от смысла того, что она говорила. Валентин тут же вскочил, засуетился.

– Я провожу, Лиза, куда же вы пойдете одна? Сегодня полно пьяных…

– Разве я пьяных не видала, Валентин Казимирович? – улыбнулась Лиза; она и сама не знала, как мила и открыта ее улыбка, как располагает она к ней любого.

«Да и что вы против пьяного сделаете?» – едва не добавила она, но промолчала и быстро пошла к деревне; белая шаль долго мелькала в полумраке.

…После дня именинника Лиза стала избегать Валентина Казимировича, старалась не оставаться с ним наедине. Он же по-прежнему ожидал ее у столовой, заглядывал в глаза с каким-то странным выражением, смущавшим и сердившим ее.

Вечер перед отъездом, конечно, вылился в шумный праздник. Пришли местные, бабки наварили побольше самогона, поварихи приготовили поздний и сытный ужин. Лиза давно уже уложила чемодан и теперь ждала, когда же нако-

нец пройдет этот неизбежный праздничный вечер, и можно будет погрузиться в автобус, и забыть эту первую в ее жизни студенческую картошку.

Она вышла на поляну перед домом, подошла к медному старому умывальнику, прикрученному к сосне. К его мокрой холодной крышке прилипли сухие иголки. Было здесь все-таки что-то хорошее, никак не связанное ни с людьми, ни с привычным образом жизни, но Лиза не умела это «что-то» назвать. Ей нисколько не жаль было уезжать, но и дома ее не ожидало ничего нового. Впервые у нее было такое чувство безразличия перед отъездом куда-нибудь, и она вдруг со страхом и тоской подумала, что стала взрослой, что вот это и есть та жизнь, которою живут все, которая ожидает теперь и ее…

Все уже потянулись в столовую, и Лиза осталась на поляне одна. Она не стала одеваться понаряднее к сегодняшнему вечеру, только набросила ярко-синюю ветровку на теплой подкладке.

Неожиданно она почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной, и сразу поняла кто. Конечно, это был Валентин – все такой же, с тем же преданно-унылым взглядом, в том же свитере. Только волосы над ушами стали еще длиннее – отросли за время картошки. Не говоря ни слова, Лиза посмотрела в глаза Валентину, ожидая, что он смутится и уйдет. Но тот не собирался уходить – наоборот, сделал несколько шагов в ее сторону.

– Лиза, я понимаю, вы обиделись на меня тогда… Но я ума не приложу, чем вас обидел. Я ведь просто сказал то, что чувствую к вам. Я еще и не все сказал…

– Да не обиделась я на вас, Валентин Казимирович, правда! – Лизе и жаль было его, и примешивалось к этой жалости необъяснимое презрение. – Просто я не знаю, о чем с вами говорить. Наверное, я вам не подхожу, вы ошиблись во мне, вот и все.

– Я только хотел вам сказать: вы еще себя не знаете, Лиза, вы можете в себе ошибаться! Я уверен, что вам необходим тонко чувствующий, интеллигентный человек, который помог бы вам во всем разобраться…

Это было уже слишком! То рэкетир учит ее, кто ей необходим, то этот нудный тип с грязными волосами! И все-то они о ней знают, и даже будущее ее уже продумали. Откуда такая уверенность?

– Знаете, Валентин Казимирович, давайте я сама буду разбираться, если захочу! А вы будете мне химию преподавать!

Она сама себе удивлялась: откуда взялась эта резкость у нее, обычно даже застенчивой, когда надо было сказать что-нибудь не слишком приятное? Очень уж он вывел ее из себя. Почему-то именно Валентин, хотя он ведь не хуже других, с кем ей только и доводилось общаться. Но какой-нибудь Гоша или Серега Ефименко – они и есть такие, как есть, а этому ведь кажется, что он какой-то особенный…

Ничего больше не говоря, Лиза ушла в дом. В столовую

она не пошла, провалялась с книгой на кровати, не обращая внимания на пьяные крики под окном. Пусть думают что хотят, какое ей дело! Ей хотелось плакать, она даже в книгу не могла вчитаться: та жизнь, которая возникала на этих пожелтевших страницах, не имела никакого отношения к ее, Лизиной, жизни…

Так начался ее первый студенческий год.

…Училась Лиза неплохо, как и в школе. Только в школе все-таки казалось, что скоро наступит совсем другая, особенная жизнь, а теперь таких иллюзий не было. Лиза и сама удивлялась своим институтским успехам. Ведь нисколько не занималась, ну совсем не тратила на это времени! Наверное, она просто казалась преподавателям этакой примерной отличницей – еще бы, коса до пояса, огромные ясные глаза! – и они не слишком вникали в ее знания.

Год пролетел быстро, ничего не изменив в ее жизни; пошел и второй – точно такой же, как первый.

Валентина Казимировича Лиза встречала только в институтских коридорах: его предмет должен был начаться на третьем курсе. Он несколько раз пытался с нею заговорить, но она просто невежливо отворачивалась. О чем с ним было говорить, если она и так знала, что он ей хочет сказать?

За нею, как всегда, многие ухаживали. И даже настойчиво ухаживали: звонили вечерами, звали на дискотеку. Она и ходила туда то с одним, то с другим парнем, и иногда, выпив

немного вина, целовалась с ними в подъезде – противно ведь вечно строить из себя недотрогу, даже как-то неловко! Но ей всегда тошно было вспоминать об этих поцелуях…

Мать наблюдала за Лизой со все возрастающей тревогой. Что происходит с ее девочкой, прежде такой ласковой и спокойной? Отчего она то ходит, будто вареная, то оживляется после чьего-нибудь звонка, то плачет ночью?

Зоя Сергеевна хорошо знала жизнь – настоящую, не ту, что мерещится девчонкам накануне их первой любви. Муж ее умер, когда Лизе исполнился год, а Коля учился в седьмом классе. Отплакав свои первые вдовьи дни, она поняла, какая ноша на нее теперь свалилась, кроме тоски по любимому мужу. Как ей, учительнице младших классов, да еще сидящей дома с маленькой Лизой, растить двоих детей? Хорошо, что Коленька – умный, порядочный мальчик, но ведь это пока, а что с ним будет без отца? Не попадет ли в дурную компанию? Да и просто – где брать деньги на них двоих при крошечной учительской зарплате и мизерной пенсии по мужу? Было от чего прийти в отчаяние, но Зоя Сергеевна не пришла. Характер у нее был решительный, соображала она быстро: прежде всего, надо обеспечить семью продуктами, значит – заняться огородом. То, что спустя много лет стало источником существования для большинства городских семей, спасало Зою Сергеевну давным-давно.

Участок, выделенный ей школой, находился почти в городской черте, доехать можно было автобусом, и Зоя Сер-

геевна подолгу пропадала там. У нее не хватило ни денег, ни знакомств, чтобы построить дачный домик, но небольшая бытовка, превращенная ее стараниями в довольно уютное летнее пристанище, на участке была, вполне заменяя детям настоящую дачу.

Все Лизино детство прошло в зеленых джунглях: дома вечно была высажена помидорная и еще какая-нибудь рассада, которую следовало растить, обогревать лампой и вовремя поливать. Коля подшучивал над матерью:

– Ты, мама, прямо Мичурин какой-то! Круглый год у нас что-то растет!

Но исправно помогал вскапывать огород, возился с яблонями и ягодными кустами, копал картошку. Он давно уже понял, каких усилий стоит матери поддерживать их жизнь такой, как прежде.

А Лизе просто нравилось копаться в земле, особенно возиться с цветами и яблонями, и она делала это легко, охотно, даже не считая работой.

Мать приучила ее читать – не просто читать что попало, лишь бы позанимательнее, а читать как раз те книжки, которые давно уже мало кто из знакомых открывал по собственной воле, без школьного принуждения. Наверное, имей Лиза менее живой характер, она превратилась бы в книжную девочку – так много книг она прочитала в детстве и ранней юности. Но ей всегда хотелось действовать самой, она представляла себя то Наташей Ростовой на охоте, то Джульеттой

на свидании с Ромео, – и только те книги были ей интересны, героиней которых она могла вообразить себя.

Дома была неплохая библиотека, Лиза была записана и в городскую. Она любила сидеть в читальном зале, любила его особую, внимательную тишину, в которой можно было вслушиваться в себя, мечтать и фантазировать. Даже сейчас, выйдя из школьного возраста, она забегала сюда временами, с грустью замечая, как стареют знакомые с детства библиотекарши, становятся какими-то прозрачными и едва не шелестят, как книжные страницы. Если бы можно было так и жить всегда: копаться в огороде, сидеть в этом тихом зале, читать книги… Лиза и сама не понимала, почему это не может продолжаться бесконечно, но чувствовала, что пришло время нового. Время пришло, а новое – не приходило.

Зоя Сергеевна понимала, что надо поговорить с Лизой, но все не могла решиться на это. Ну что она скажет дочери, если не может в точности объяснить, что же ее беспокоит?

Однажды, наблюдая краем глаза, как Лиза сначала сидела у телевизора, безучастно глядя на экран, а потом встала и подошла к темному окну, – Зоя Сергеевна не выдержала.

– Доча, что с тобой? – спросила она.

Лиза обернулась, стараясь изобразить на лице удивление.

– Со мной? Да ничего, мама, просто фильм скучный, я и не стала смотреть.

– Да нет, я не о том, ты же понимаешь. Лизонька, ты сама не своя последнее время стала. С тобой ничего не случилось?

Скажи мне, прошу тебя, если б ты знала, как я волнуюсь! Сейчас все так тревожно, непонятно… Кто это заезжал за тобой несколько раз на иностранной машине, мне тетя Клава говорила?

– Ах, это! – Лиза махнула рукой. – Да случайный один человек, не о чем волноваться, мама. Ты же видишь, он и не появляется больше.

– Да ведь и никто не появляется, Лиза! Ты не подумай, я не то что к женихам тебя гоню, но непонятно это. Такая ты у меня красивая, такая умница, а все сидишь одна… – Мать старалась заглянуть Лизе в лицо, но та незаметно отводила взгляд. – Ладно ли, доча, ведь все твои подружки как-то…

– Именно что «как-то», мама! – сказала Лиза с неожиданной страстью. – Именно что кое-как, потому что выбирать не из чего! Ну что хорошего в их женихах? Ты же знаешь, я с людьми не переборчивая, со всяким могу договориться, но не хочется ведь со всяким!

– Ну почему ж со всяким, Лизонька? Вон, Наташа Шебалина какого нашла хорошего парня, я его еще в первом классе учила – помнишь, Славик Рютькин? Армию отслужит он, поженятся. И такая парочка хорошая, ведь любо-дорого посмотреть!..

– Хорошая пара… – Лиза помолчала. – Да ведь он и подходит Наташе. Много ли ей надо? Пьет в меру, работящий – и ладно.

– Ох, доча, на свою голову я тебя такою вырастила! Дума-

ешь, так легко найти по себе человека? Да ты оглянись вокруг – какие они теперь, мужики? Тот алкаш, тот жену бьет чуть не до смерти, а другой вроде и по всему ничего, да бестолковый какой-то – что есть он в семье, что нет его… И кого ты ждешь, какого принца?

– А ты, мама, кого ты для меня ждешь? – Лиза внимательно посмотрела на мать, точно читала простые ее мысли.

– Для тебя? Да ведь ты у меня добрая девочка, впечатлительная. Тебе такого надо, чтоб был опорой, чтоб ты горя за ним не знала. Не сейчас, не сейчас, – замахала она рукой, предвидя Лизины возражения. – Но отчего же о будущем-то и не подумать? Ведь нищета кругом, Лизонька, ты посмотри только, настоящая нищета, до принца ли тут? – В голосе матери проскользнуло отчаяние.

У Зои Сергеевны было теперь даже больше оснований для отчаяния, чем после смерти мужа. Во что превратилась жизнь, и как быстро! Ведь не живут все, а только борются за существование, женщины бьются как рыбы об лед, чтобы вытянуть детей, мужики пьют больше, чем прежде, или подались в бандиты. А они с Лизой – что делали бы они, если бы не помогал Коля? Слава богу, что в Москве, наверное, больше возможностей зарабатывать деньги – вон, Коленька по специальности работает и хорошо устроен в какой-то фирме, сам живет и им помогает, он всегда был таким отзывчивым! А как бы без него? И как будет жить Лиза, не вечно же на Колиной помощи? И в кого она уродилась такая непрактич-

ная, ничего-то она в жизни не понимает, а ведь, кажется, с детства особой роскоши не видала!

Лиза понимала, о чем думает мать. И даже – о ком думает. Конечно, о соседе Борисе.

Борис появился в их доме сравнительно недавно, около года назад. Их прежние соседи долго разменивали свою небольшую квартирку после женитьбы сына – что-то доплачивали, делали двойной обмен – и в результате соседом Успенских стал этот самый Борис. Он позвонил в их дверь как-то воскресным утром.

– Здравствуйте, хозяйка! Вас как звать? Меня – Борис Андрусенок, будем знакомы! – услышала Лиза бодрый голос в коридоре, когда Зоя Сергеевна открыла дверь.

– А, так вы сосед наш новый? – догадалась мать. – Рады знакомству. Да вы проходите, проходите в дом, чего ж на пороге… Лиза, иди, познакомься с соседом!

Борис Андрусенок оказался крепким, невысоким парнем лет тридцати. Про таких сразу догадаешься: хозяйственный. У него было круглое загорелое лицо, маленькие глазки глядели уверенно и весело. Одет он был в клетчатую рубашку и потертые джинсы польского пошива.

– О, книг у вас сколько! – удивился Борис, входя в комнату. – Ну, правильно, вы ж учительница, вам положено. Я тоже книжки люблю читать, только времени нет – то в рейсе, то отдохнуть надо после рейса.

– Вы шофер? – спросила Лиза, накрывая на стол.

– Дальнобойщик, – подтвердил Борис. – А ты чего на «вы» мне говоришь, как старику?

– Да я так просто, – смутилась Лиза. – Мы ведь не знакомы…

– Ну, были незнакомые – теперь познакомились, брось ты эти церемонии. Я человек простой, негордый, так что, если чего – помочь там, картошки привезти – я всегда, не стесняйтесь.

Разговаривать с ним было легко, хотя особенно и не о чем. Но он и не ждал, когда собеседник найдет тему для разговора – сам говорил без передышки: рассказывал разные смешные истории, бывавшие с ним в пути, вспоминал свою армейскую службу, старшину и прапорщика, и при этом вкусно прихлебывал чай, нахваливая варенье Зои Сергеевны.

– Может, вам что покрепче – за знакомство? – Зоя Сергеевна вопросительно посмотрела на нового соседа.

– Это – нет! – решительно заявил он. – Я вообще-то могу употребить, конечно, да завтра в рейс надо, придется воздержаться на сегодня. Ничего, соседки, другой раз примем за знакомство, это дело от нас не уйдет! Правда, Лиз? – подмигнул он Лизе.

Из первого же дальнего рейса он привез соседкам подарки: Зое Сергеевне – два килограмма сливочного масла, а Лизе – коробочку с тенями для век, на которой расплывчатыми золотыми буквами было написано «Paris». Зоя Сергеевна смутилась:

– Что это ты, Борис, прямо неудобно, ей-богу! Зачем ты потратился? Я сейчас же деньги отдам…

– Еще чего! – засмеялся сосед. – Остановился по дороге, гляжу, масло дешевое, чего было не взять для хороших людей? Я и себе взял. Насчет денег вы, Зоя Сергевна, не беспокойтесь. Я не порожний ездил, кое-что и себе перепало. А чего мне их, солить, деньги эти, одному-то?

– А что же не женишься? – спросила Зоя Сергеевна.

– Было уж дело – женился, – объяснил Борис. – Да работа наша такая – дальнобойная. Когда ночь дома проведешь, а когда и нет, не всякой девке понравится. Моя быстро хвостом крутнула. Приезжаю, а ее уж и нету, записочку только оставила: мол, что это за семья, вечно ты в отъезде, встретимся при разводе. Ладно еще, детей не завели. Что поделаешь, ежели у девки дурость одна в голове! Ну, не все ж такие… – И он выразительно посмотрел на Лизу.

Борис стал часто захаживать к соседям. Зоя Сергеевна даже предлагала ему что-нибудь зашить-заштопать, но он неизменно отказывался:

– Это я сам, невелика работа!

Вскоре мать души не чаяла в Борисе, и Лиза соглашалась с нею: действительно, отличный парень. Лиза явно нравилась ему, но заговорить об этом он, обычно такой разбитной и свойский, почему-то не решался, и она была этому рада.

Время от времени Борис просил:

– Ты мне подобрала бы чего почитать поинтереснее, Ли-

зуша, надоел этот телик.

И Лиза давала ему почитать детективы, которые они с матерью тоже любили и которые им привозил из Москвы Коля, или подсовывала какие-нибудь современные житейские истории – эти книги покупала Зоя Сергеевна. Но житейское не вдохновляло Бориса.

– Ну-у, опять про магазин да про баню! – разочарованно тянул он, когда Лиза протягивала ему какой-нибудь современный роман. – Нет, Лиз, это ты сама читай, ежели нравится, а я на это дело в дороге нагляделся, сыт по горло. Давай опять про шпионов чего-нибудь, их небось и на свете-то нет.

Хороший он был человек, Лиза правильно поняла это в первый же день знакомства. Хороший, и основательный, и надежный. И, конечно, это о нем думала сейчас мать…

– Я понимаю, мама, ты о Борисе хочешь сказать.

– А хоть бы и о Борисе. Уж куда лучше? – Мать старалась поймать Лизин взгляд. – Что с того, что он шофер? Поумнее иного образованного будет, а уж какой человек хороший… Разве нет?

– Да, мама, – согласилась Лиза. – Он очень хороший человек.

– И ты ему нравишься, разве не видишь?

– Вижу.

– Так в чем же дело, Лизонька? Или ты от него предложения ждешь? А я думаю, он побаивается тебе предложение делать. Видит, что молодая ты еще, да и обжегся раз на мо-

локе, теперь на воду дует. По мне, так из-за работы его беспокоиться нечего. Человек он порядочный, не позволит себе на стороне, если дома жена будет ждать.

– Жена? – Лиза удивленно посмотрела на мать. – О чем ты говоришь, мама?

– А что же тут такого, Лиза? Да, торопиться тебе вроде некуда, в девятнадцать-то лет. Но если человек рядом хороший – для чего тянуть? Ты пойми меня правильно, я ведь тебе добра желаю. – Мать умоляюще смотрела на нее. – Я едва ли не всех парней твоих знакомых или сама в школе переучила, или от других учителей слыхала. И что? Ну кого ты знаешь такого, чтобы ждать, когда он на тебя внимание обратит?

Мать была права; возразить Лизе было нечего. А та продолжала:

– Я раньше еще думала: может, ты в Москву поедешь учиться, тогда дело другое. Так ведь ты сама не захотела. Но раз уж ты здесь решила жить, Лизонька, так ведь надо к жизни как-то прилаживаться, ты у меня не маленькая уже. Коля, дай ему Бог здоровья, помогает, но ведь надо и своими силами когда-то жить начинать. И я не вечная…

Лиза слушала молча, и на глазах у нее выступали слезы. Да, мама права, и почему она раньше не говорила с нею об этом? Сколько могут длиться эти глупые мечтанья, чего она ждет, из-за чего скучает и страдает? Ведь ее не привлекает ни учеба, ни будущая работа – она даже не знает, какой мо-

жет быть эта работа. Значит, только благополучное замужество. Можно было бы, конечно, подождать, но разве, и правда, появится кто-нибудь, кого она здесь еще не знает? А Борис – вот он, и он женится на ней хоть завтра, этого только слепой может не видеть, и кто может быть лучше его?

Куда ты денешься?

В ту ночь не спала ни Лиза, ни Зоя Сергеевна.

Мать ворочалась в кровати, переживая, что была, наверное, груба с Лизонькой. Бедная девочка, о чем приходится думать, и в какие юные годы! А куда денешься, если жизнь теперь такая – не жалеет ни молодых, ни старых… И, всхлипывая в подушку, Зоя Сергеевна все же была рада, что поговорила наконец с Лизой. Как ни жаль разрушать ее иллюзии, а лучше уж это сделает родная мать, чем чужой дядя.

Лиза смотрела в темную крестовину окна, как в омут. Жизнь неожиданно заглянула ей в лицо, и взгляд этот оказался суровым. Она никогда не считала себя нерешительной, но на что могла она решиться сейчас? Лихорадочно перебирала она в уме все, что можно было бы предпринять. Конечно, мать не станет ее торопить с замужеством, но ведь жизнь поторопит! Борис уже сейчас смотрит на нее таким внимательным взглядом, точно ждет какого-то безмолвного позволения… Если не он, то кто? А если не сейчас, то скорее всего не он, не вечно же он будет жить холостяком. И снова – кто тогда и что тогда, какая судьба?

Ничего светлого не вставало перед нею в будущем, хоть

плачь, хоть о стенку бейся головой.

«Может, поехать все-таки в Москву?» Лиза хваталась за эту мысль, точно утопающий за соломинку.

Но тут же отметала такую возможность. В каком качестве она туда приедет? Явится к Коле и Наташе – здравствуйте, решила у вас жить, устройте мою судьбу? И они поведут ее куда-нибудь, чтобы выдать замуж? Нет, времена Татьяны Лариной и ярмарки невест ушли безвозвратно…

Лиза расстегнула верхнюю пуговку ночной рубашки; закрытый байковый ворот душил ее. Она встала, отодвинула занавеску и распахнула окно. В комнату хлынул холодный мартовский воздух, казалось, в нем слышен был звон нерастаявших льдинок.

А может, ей вообще не выходить замуж? Но мысль о том, что она останется одна, почему-то ужасала Лизу – хотя, казалось бы, всю жизнь она видела одиночество собственной матери, и никогда ее жизнь не казалась Лизе беспросветной. Но она смутно догадывалась, что ее мама – совсем другое дело, чем она. То ли так сильно любила мама покойного отца – Лиза никогда не решалась ее об этом спросить, – то ли просто обладала таким характером, что могла жить одна. А она, Лиза, совсем другая. Вся ее душа трепещет в странном ожидании, и это – ожидание любви, какого-то неведомого счастья, которое накрепко связано с любовью. И вдруг – одиночество… Нет-нет, только не это! Лучше уж поскорее выйти за Бориса.

И Лиза снова и снова всматривалась в собственную душу, пытаясь понять: испытывает она к нему хоть что-нибудь, что можно было бы считать любовью? Вся беда была в том, что Лиза и не знала – какая она, любовь?..

Наутро она встала с воспаленными, заплаканными глазами, бледная. Мать всплеснула руками:

– Лизонька, детка, ну нельзя же так! Все я, дура старая, сама виновата! Разве можно было об этом с девочкой… Бог с тобою, Лизонька, не думай ты о замужестве об этом, если сердце не лежит! Устроится все как-нибудь, авось Господь не выдаст… Смотри, какая бледненькая, ведь так и заболеть недолго!

Но Лиза смотрела на мать устало и спокойно.

– Почему же, мама, – надо думать. Вот Борис из рейса вернется – и надо как-то подумать. Но не самой же к нему лезть с предложением, правда?

– Правда, правда, устроится все, я же тебе говорю, доча! Главное, ты сама решила… А парень он не глупый, все поймет…

Вечером позвонил Коля. Лиза подошла к телефону…

Известие о том, что Лиза бросила институт, едва не лишило Зою Сергеевну дара речи.

– Лизонька, как же это? Ведь я думала, ты справку возьмешь, разве тебе бы не дали? Да хоть к Вере Семеновне сходить, я бы позвонила…

– Мама, но я ведь тебе всегда говорила: не люблю я ни

институт этот, ни химию, зачем они мне?

– Так-то оно так. – Мать вгляделась в Лизино лицо, в ее глаза, сияющие совсем новым, радостным блеском. – Если бы институт только… Лиза, честно мне скажи: не хочешь ты сюда возвращаться, передумала все, о чем говорила?

Лизе не хотелось притворяться.

– Мама, я не знаю. Вот честно тебе говорю – не знаю, и все тут. Конечно, возвращаться не хочу, но и любой ценой отсюда вырываться мне тоже не надо. Подождем, ладно? Посмотрим.

– А Борис? Что ему-то скажешь?

– А зачем ему что-то говорить? Еду брату помочь, что тут такого?

– Нельзя так, Лиза! – рассердилась мать. – Что за бессердечие такое, что за обман? Не пойдешь за него – так и скажи!

Лиза не выдержала и рассмеялась.

– Мамочка, ты так говоришь, будто он мне руку и сердце предлагал! Да, может, это все наши выдумки. Ну, поглядывает на соседку, мало ли! А по мне, – добавила она, посерьезнев, – пусть бы он женился поскорее, и жену нашел хорошую, какую он заслуживает.

Мать слушала дочку с грустной улыбкой. Совсем ребенок, хоть и притворяется взрослой, рассудительной! Только повеяло какой-то переменой, поманило чем-то новым – и она летит, как мотылек на огонь, и уже не собирается устраивать свою жизнь, уже ей ни до чего! Ну, что ж поделаешь – такая,

значит, ее судьба. А может, еще и сложится…

– Что ж, доча, надо собираться, о чем уж теперь говорить, раз обещала приехать. Кто и поможет Коле, если не ты.

Борис вернулся из рейса в самый разгар сборов. Лиза сидела на полу и перебирала платья, лежащие перед нею на ковре. Зоя Сергеевна отглаживала для нее белую батистовую блузку. Нельзя сказать, что известие о Лизиной поездке вызвало у Бориса восторг, но и особенного горя на лице его не выразилось.

– Надолго, Лизуша, едешь? Ого, на полгода почти – это да! Ну, что поделаешь: родня есть родня. Не забывай там старых друзей в Москве. Столица – дело хорошее, а все ж домой возвращаться…

Он проводил Лизу на вокзал вместе с мамой, умело устроил под полкой чемодан, приговаривая:

– Все едет народ, все едет – и как не надоест только?

Когда Лиза махала им рукой, стоя в тамбуре за спиной у проводницы, сердце ее на мгновение сжалось. Но тут же всплыла перед глазами Москва – ее она увидит всего ночь спустя! – и Лиза улыбнулась этому завтрашнему городу радостно и доверчиво.

Глава 4

Наташа уехала через два дня после приезда Лизы. Перед отъездом она, обычно такая веселая и неунывающая, расплакалась, глядя на беззаботно играющую Маринку.

– Ната, ну что ты? – Лиза едва не плакала сама. – Не волнуйся, правда, все ведь хорошо будет! Ты ведь ненадолго, это кажется только…

– Как же ненадолго! – не могла успокоиться Наташа. – Я вообще никогда от них не уезжала, разве легко? Маринка вообще от меня отвыкнет, Андрюшка скучать будет, хоть и виду не подаст. И Николка – он ведь только кажется спокойным, а сам переживает…

Николай действительно ходил все эти дни мрачнее тучи. До последнего времени Наташина поездка казалась чем-то абстрактным, само собою разумеющимся, а теперь, когда надо было собирать чемоданы, он вдруг представил себе, что почти на полгода остается без нее. Ведь это совсем другая жизнь, он и вообразить ее не может – и чем наполнится она? Семья всегда значила для Николая гораздо больше, чем для большинства его знакомых, а душой его семьи была жена – и вот она уезжает… Он чувствовал настоящую растерянность, и это не была растерянность ребенка, оставшегося без материнской заботы – Николай был вполне самостоятельным, решительным человеком и не воспринимал жену как мать-

наставницу, – это была растерянность любящего мужчины, из жизни которого точно улетучивался главный, неповторимый ее оттенок.

Лиза видела, как тяжела эта разлука и для брата, и для Наташи, и немного завидовала им. Повезло все-таки – оба молодые, ничем не обделенные, и нашли друг друга. Не многие могут этим похвастаться! И вместе с тем жизнь, которой жили брат и его жена, и которая, будь Лиза в Новополоцке, казалась бы ей каким-то сияющим, нереальным счастьем, – эта жизнь почему-то выглядела для нее теперь, после приезда в Москву, совершенно естественной. И правда, необыкновенный город: счастливая, многообразная жизнь здесь так же нормальна, как дыхание! Неужели она, Лиза, не найдет здесь того же, что чувствует в жизни брата и даже в жизни совсем незнакомых людей, шумной толпой плывущих по широким улицам?

Но все это так и оставалось пока предчувствием, а повседневная жизнь после отъезда Наташи потекла размеренно и спокойно.

Лиза просыпалась рано – она вообще не любила спать допоздна – и готовила завтрак Николаю и Андрюшке. Ей почти не приходилось заниматься этим дома: готовила обычно мама, да и сколько им, двум женщинам, было надо? Но неожиданно оказалось, что она, сама того не замечая, отлично умеет готовить – вкусно и разнообразно. Николай поражался:

– Лиз, я растолстею тут с тобой! Пироги какие-то, блин-

чики. Ведь это уйму времени отнимает!

Лиза только смеялась в ответ:

– Ты так говоришь, будто я чем-то еще занята. Почему одну яичницу надо есть?

Она довольно быстро разобралась и в московском магазинном изобилии. Правда, деликатесы покупать не решалась, но сразу поняла, какие из простых, повседневных продуктов самые лучшие. Да и Маринка подсказала:

– Лиз, я больше всего макароны люблю. Только чтобы не липкие были. Ты покупай «Макфу» – они самые лучшие!

Когда Маринка выздоровела и Николай собрался с нею по врачам за справками для садика, Лиза предложила:

– Коля, а зачем ей в садик ходить, пока я здесь? Не волнуйся, мы с ней и дома не хуже почитаем и порисуем, чем там, и волнений меньше.

– Но ведь тебе трудно с ней будет, Лизушка, – засомневался Николай, который, конечно, обрадовался предложению сестры. – Она у нас знаешь какая – только притворяется паинькой…

– Ну и что? Нормальная девочка, веселая. А мне с ней ничуть не трудно. Ты же видишь, она меня отлично слушается.

И Маринка, к радости своей, осталась дома с Лизой. До обеда они гуляли, рисовали, занимались еще какими-нибудь детскими делами, потом Маринка спала, а Лиза читала или делала что-нибудь по дому. Но дел этих оказалось не так уж и много, хоть и двое детей, и квартира большая.

«Странно, – думала Лиза, уже наслушавшись сетований молодых мам, с которыми быстро перезнакомилась во дворе, – как это женщины и не работают, и вечно жалуются, что устают от домашних дел?»

Потом приходил Андрюшка, и, несмотря на его протесты, Лиза и его вытаскивала на улицу.

– Что ты меня ведешь в эту песочницу, как маленького! – возмущался он. – Не хочу я гулять, я лучше почитаю!

– Успеешь почитать, – увещевала Лиза сердитого племянника. – Посмотри, какой ты зеленый без свежего воздуха. И зрение уже испортил. Пойдем, пойдем, не увиливай!

Конечно, она водила их не в песочницу. Крылатское понравилось Лизе своим простором. Она чувствовала даже что-то величественное в этих огромных домах, раскинувшихся над головокружительными обрывами, в которых, казалось, воздух свистел и гудел под крыльями дельтапланов.

Неподалеку от одного такого обрыва она и гуляла обычно с детьми, приглядывая за шустрой Маринкой и наблюдая, как кружатся в воздухе разноцветные прозрачные крылья. Кончался апрель – теплый, звенящий от солнца. Солнечный воздух трепетал и струился, и, сидя над обрывом, Лиза постоянно чувствовала, как душу ее наполняет беспричинная радость. Иногда она брала с собою книгу, и даже знакомые, читанные-перечитанные истории, наполнялись новым, прежде не ведомым смыслом, когда она возвращалась к ним здесь, в Москве…

Но, конечно, за детьми нужен был глаз да глаз, особенно не почитаешь. То Андрюшка дразнит Маринку, и та принимается реветь, то девочка сама лезет на дерево и, чуть не догляди, может упасть.

А в тот день в конце апреля, последствия которого оказались для Лизы такими необычными, она так зачиталась, что оторваться от книги ее заставил только детский крик:

– Боюсь собаку, боюсь! Собака укусит!

Лиза вскочила со скамейки, бросив книжку. Что случилось? Она похолодела, не видя рядом Маринки, – только крик доносился из-за кустов еще не расцветшей сирени. Лиза побежала туда.

Огромный ротвейлер, похожий на скруток блестящих мускулов, положил лапы на плечи Маринки и обнюхивал ее лицо. Кажется, собака была настроена миролюбиво – не лаяла и явно хотела поиграть с ребенком. Но Лиза и сама до смерти боялась собак, и за девочку перепугалась.

– Пошла вон отсюда! – бросилась она к собаке. – Кыш, чего пришла!

Ротвейлер оставил в покое Маринку и повернулся к Лизе, угрожающе зарычав.

– Чья это? – Лиза беспомощно оглядывалась: не может же такой пес гулять один!

– Моя, моя собака! – тут же услышала она мужской голос. – Фу, Джой, ко мне!

К ним торопливо шел мужчина невысокого роста, как-то

по-особенному одетый. Лиза не сразу поняла, в чем состоит эта особенность, тем более что она испугалась до дрожи в коленках. Собака немедленно потеряла интерес к Лизе и бросилась к хозяину.

– Извините нас, девушка, ради бога! – начал оправдываться тот, едва подойдя к Лизе. – Как он смылся, разбойник, я и не заметил! Но вообще-то Джой у меня добрый, он вашу дочку ни за что бы не тронул.

– Добрый! – возмутилась Лиза. – Разве можно такого зверя отпускать без поводка? Он ведь одним видом напугать может!

– Ну вот, такая милая девушка – и та же песня, – протянул мужчина с деланым разочарованием. – А где же гулять бедной собачке, если даже здесь, почти что на природе, и то нельзя? Для вашей дочки хоть детская площадка есть, а для собаки что?

– А я не дочка! – вмешалась в разговор повеселевшая Маринка. – Я мамина дочка, а Лизина я племянница!

– Ах, вот что! – оживился Лизин собеседник. – Ты, значит, с тетей гуляешь… А где же вы с тетей Лизой живете?

– Улица Крылатские Холмы, дом восемь «а», квартира сто десять! – выпалила Маринка; Лиза сама же на всякий случай заставила ее заучить адрес наизусть!..

Мужчина рассмеялся. Он смотрел на Лизу доброжелательно и словно бы изучающе. Теперь она разглядела, что именно показалось ей таким необычным в его одежде:

небрежная изысканность. Лиза едва ли могла бы указать, в чем она заключается, но взгляд на его костюм вызывал именно это определение. На нем были не брюки и не джинсы, а что-то среднее, очень добротное и элегантное. Рубашка-поло была под цвет брюк, но гораздо светлее – Лиза никогда не видела такого приятного, насыщенного зеленого цвета. Поверх тенниски была надета легкая темная куртка, которая тоже отливала по поверхности едва уловимой зеленью. Туфли его сверкали так, будто он вышел не на прогулку с собакой, а в театр.

Наверное, Лиза смотрела на него так очевидно заинтересованно, что мужчина снова понимающе улыбнулся. Улыбка у него была приятная, открытая, на отлично выбритых щеках появились задорные ямочки.

– Видите, теперь я знаю, где вы живете. И мы с Джоем можем прийти к вам в гости, – сказал он. – Тем более что мы с вами почти соседи.

– Как это «почти»? – Лиза удивленно посмотрела на него.

– Ну, я здесь не живу, но бываю довольно часто, – загадочно произнес мужчина. – Да, ведь я вам, Лиза, не представился. Меня зовут Виктор.

– Очень приятно.

– Мне – тем более. Надо же, какие сюрпризы преподносит жизнь. Готовишься к скандалу с разъяренной мамашей, а вместо этого встречаешь очаровательную русалочку!

Лиза смутилась, на щеках ее выступил легкий румянец.

– А может быть, вы дадите мне свой телефон, раз уж я все равно знаю адрес? – спросил Виктор. – Я с удовольствием позвонил бы вам, прежде чем выйти на прогулку. Надо ведь и самому готовить себе сюрпризы…

На лице Лизы ясно читалось сомнение: можно ли давать телефон этому совершенно незнакомому человеку? Не подумает ли он, что теперь может распоряжаться ее временем? Лизин опыт общения с мужчинами свидетельствовал, что именно так оно и бывает: достаточно посмотреть в их сторону без полного равнодушия, и они тут же готовы считать себя хозяевами положения.

Но новый знакомый словно читал ее мысли.

– Не волнуйтесь, Лиза, я не стану слишком надоедать вам своим обществом. Я бы и рад, конечно, но не так уж часто выдается время для прогулок. Тем более хочется, чтобы оно не пропадало зря.

И он достал что-то похожее на калькулятор. Лиза продиктовала телефон, Виктор не записал, а набрал его в своей странной записной книжке и, вежливо кивнув, произнес:

– А теперь, к сожалению, нам с Джоем пора домой. Приятной вам прогулки и до скорой встречи. За мной, Джой!

Лиза проводила взглядом своего неожиданного знакомого и медленно пошла к дому, взяв Маринку за руку.

– А книжку забыла, Лиза, и ведерко, – вспомнила Маринка. – Ты о чем задумалась, красна девица? – смешно спросила она словами из недавно прочитанной сказки.

Виктор позвонил только через неделю. Лиза уже уверилась, что он просто посмеялся над нею, воспользовавшись ее замешательством.

– Лиза? Вы не обиделись на меня за долгое молчание? – Его голос в трубке звучал так же вежливо и доброжелательно, как при встрече. – Обстоятельства помешали, пришлось уехать в неожиданную командировку. Но сейчас я дома, и, если вы не возражаете, с удовольствием встречусь с вами на прежнем месте.

– Я не знаю… – В голосе Лизы проскользнуло замешательство. – Понимаете, Маринка что-то кашляет, я не хотела гулять с ней сегодня.

– Да, это жаль. А вы вообще-то постоянно с ней сидите?

– Брат придет часов в восемь.

– Так ведь это отлично! Значит, после восьми мы можем с вами встретиться? Это еще лучше: у меня сегодня свободный вечер. Договорились?

– Тогда на прежнем месте? – спросила Лиза.

– Ну зачем же в таком случае на прежнем? Лучше я заеду за вами, и мы выберемся куда-нибудь. В восемь тридцать я жду вас у подъезда, хорошо?

– А разве вы помните мой адрес? – удивилась Лиза.

– Разумеется, – услышала она в ответ. – Я помню все, что считаю нужным помнить.

Всю оставшуюся половину дня Лиза провела в лихорадочной тревоге. Никогда еще, собираясь на свидание, она не

чувствовала ничего подобного. Какой интересный и странный человек! Хотя почему – странный? Может быть, она просто не видела таких, и в этом все дело? Несмотря на свою молодость, Лиза была проницательна и уже привыкла к тому, что сразу улавливает основной тон, главную мысль, что ли, своего собеседника. А тут – что она могла вспомнить, кроме элегантной одежды и ямочек на щеках? Какой-то он загадочный, правда, ничего другого о нем не скажешь!

И, конечно, что надеть? Лиза распахнула шкаф в прихожей, где висели ее вещи. Не густо, прямо надо сказать, не из чего особенно и выбрать. Опять любимую голубую кофточку? Она, конечно, хороша, но ведь уже надоело надевать ее по всякому торжественному случаю! А все остальные наряды с некоторых пор вызывали у Лизы сомнение. Наташа, например, и постарше ее, а совсем не носит таких солидных платьев и юбок. Все они казались теперь Лизе старомодно-унылыми…

Тут она вспомнила, как перед отъездом Наташа говорила:

– Лиза, я с собой почти ничего не беру – лучше в Германии куплю что-нибудь новенькое. Так что носи, пожалуйста, все, что найдешь в шкафу. Мы с тобой комплекцией похожи, тебе как раз будет.

А правда, почему бы не надеть что-нибудь из Наташиных вещей, раз она разрешила? И Лиза открыла другую половинку шкафа.

Наряд нашелся быстро: бежевый костюм – юбка в мелкую

складку, приталенный пиджачок, блузка чуть посветлее и отделана тонким кружевом. Лиза слегка подвела глаза, брызнула на волосы Наташиными духами. Она и не заметила, как собралась, а ведь Коля еще не пришел! Но не переодеваться же обратно, придется встречать его прямо в этом наряде. Да, а прическа? Совсем недавно Лиза начала стесняться своей косы. В самом деле, как у школьницы, только бантика белого не хватает! Но и отрезать – жалко, и мама просила этого не делать… Ей удалось придумать для себя только одну новую прическу – она высоко подняла волосы, заколола их наверху, оставив несколько свободных локонов на конце этого узла; такие же длинные локоны спускались вдоль щек. Так все-таки получше!

Николай пришел в восемь, как обычно, и удивленно посмотрел на сестру.

– Интересно, куда это ты собралась? – весело спросил он, разглядывая ее неожиданный наряд.

Лиза виновато глядела на брата.

– Коля, может, ты сегодня побудешь с ними один? – спросила она.

– Побыть-то я побуду, это не проблема, но ты куда? – Голос у Николая стал серьезным. – Лиза, не обижайся, я понимаю, ты взрослый человек, конечно, и допрашивать тебя не хочу, но все-таки я за тебя волнуюсь. Ты, понятное дело, уверена, что сама во всем и во всех разбираешься, а на самом деле – ой как нетрудно ошибиться! Люди здесь другие,

чем ты привыкла, жесткие здесь люди…

– Ну что ты, Коля, в самом деле! О чем волноваться? Просто… Ну, просто я случайно познакомилась с одним человеком, он тут живет где-то неподалеку, с собакой гулял, и он вот только сейчас позвонил – приглашает куда-нибудь вечером пойти. Что такого?

– Да ничего такого, конечно. А что за человек?

– Не знаю. Вежливый такой, одет хорошо.

– Сейчас все хорошо одеты. И куда же он тебя приглашает?

– Он не сказал. Просто, говорит, выберемся куда-нибудь. Мне неудобно было спрашивать… И ведь правда, Коля, я не маленькая!

– Большая, большая, не волнуйся! Конечно, пойди, погуляй. Мне и так уже неудобно: я целыми днями на работе, даже не вожу тебя никуда, ты и Москвы-то толком не видала.

В глубине души, несмотря на напускную серьезность, Николай был даже рад неожиданному знакомству сестры. Пусть хоть людей увидит, такая красивая девчонка – и сидит дома, возится с детьми, как нянька. Хорошо бы, конечно, посмотреть на ее нового знакомого, но не пойдешь же с ним беседовать на правах старшего брата. Да может быть, дело и ограничится одной вечерней прогулкой.

В половине девятого Лиза спустилась к подъезду: ей и в голову не пришло опоздать для завлекательности. Виктор уже шел ей навстречу – наверное, тоже только что появился

у ее дома. Сегодня на нем был темно-синий двубортный костюм из тонкой шерсти, нежно-голубая рубашка с маленькими пуговками на воротнике и элегантно повязанный яркий галстук. И, конечно, туфли сверкали по-прежнему. По воздуху он летает, что ли, ведь лужи на асфальте?

– Как приятно, когда молодая, красивая девушка приходит вовремя! – сказал он, поздоровавшись. – Вам очень идет этот костюм, Лиза, хотя и взрослит немного. Но в вашем возрасте это ведь не опасно.

– А откуда вы знаете, какой у меня возраст? – удивилась Лиза.

– Ну, не так трудно догадаться. Вам девятнадцать?

– Скоро двадцать исполнится, – уточнила она.

Виктор улыбнулся. Он смотрел на Лизу со все возрастающей доброжелательностью.

– Что ж, не будем терять времени. Разрешите, сегодня я выберу программу нашего вечера? Или у вас есть какие-то планы?

– Нет, конечно, нет! – заверила его Лиза. – А куда мы пойдем?

– Мы поедем в ресторан.

Лиза немного испугалась. Она могла себе представить, как дороги в Москве рестораны, и ей совсем не хотелось обязываться перед едва знакомым человеком. Она знала, чем заканчивалось обычно для ее подруг посещение простой кафешки в Новополоцке, и какой самодовольный, хозяйский

вид принимают после этого мужчины. А уж о том, чем закончился ее поход в ресторан с Чигирем, ей и вовсе страшно было вспоминать…

Но Виктор снова читал ее мысли – наверное, это было несложно.

– Только прошу вас, не стесняйтесь. Если я приглашаю девушку поужинать вместе, это вовсе не значит, что я собираюсь после этого ею распоряжаться.

Лизе понравилась его прямота. И правда, почему не пойти в ресторан с этим приятным человеком? Не может быть, чтобы везде было так, как в ресторане Альберта! Сердце ее быстрее забилось от радостных предчувствий…

– Пойдемте, Лиза. – Виктор указал куда-то в сторону.

Тут только она заметила, что почти у самого подъезда стоит машина, – и, заметив, замерла на месте. Машина была огромная, длинная и отливала тусклым блеском, как рука в лайковой перчатке. Лиза никогда не видела таких вблизи, только проносящимися мимо на бешеной скорости – и эти машины казались ей пришельцами с другой планеты.

– Как-кая красивая! – выдохнула она. – Это «Мерседес»?

– Это «Мицубиси» – видите, у нее знак с такими тремя лепесточками? Цвет – маренго, мокрый асфальт. Садитесь.

Виктор распахнул перед нею заднюю дверцу, сам сел рядом; за рулем был шофер.

– Вы сами не водите? – спросила Лиза, чтобы что-нибудь сказать при виде еще и шофера.

– Конечно, вожу и сам, но нечасто. А сегодня мы ведь и выпьем немного?

Машина плавно тронулась с места и, выехав со двора, вскоре понеслась по Рублевскому шоссе. Лиза молчала. Она чувствовала такую растерянность, что не смогла бы произнести сейчас ни слова. Дело было не в неожиданном богатстве ее знакомого, которое явилось перед нею так очевидно, – Лиза не стала бы испытывать трепет только перед богатством, – просто все это было свидетельством того, что рядом с нею человек совсем другого мира. И она не знала, как вести себя с ним, о чем с ним вообще говорить.

Виктор искоса поглядывал на Лизу. Видно было, что ему и хочется расшевелить, сделать посвободнее смущенную девушку, – и вместе с тем интересно наблюдать ее растерянность.

Впрочем, ехали они недолго. Шофер умело пролавировал между машинами на Кутузовском, и вскоре Лиза поняла, что они уже летят по Тверской.

– А почему же вы не спросите, в какой ресторан мы едем? – поинтересовался Виктор.

– Я их все равно не знаю. – Лиза посмотрела на него с невольной доверчивостью, которая так к ней располагала.

– А едем мы в бывший «Центральный». Я, знаете, очень люблю его – исключительно из-за элегических воспоминаний.

Автомобиль остановился у самой двери ресторана, швей-

цар немедленно подскочил к нему, распахнул дверцу перед Лизой и ее спутником, помог выйти. Виктор пропустил Лизу перед собой в массивную, старинную дверь, и они оказались в просторном холле у гардероба. Плащ как-то сам собою соскользнул с Лизиных плеч. Оглянувшись, она увидела, что гардеробщик уже несет его на вешалку.

Они прошли в зал – старинный, с лепным потолком и скульптурами, вырастающими прямо из стен. Дородный метрдотель вышел их приветствовать и провел к столику рядом с одной из скульптур. Скатерть блестела белизной, световые зайчики играли в гранях низкой хрустальной вазы с цветами, стоящей посреди стола.

В зале было много людей, их голоса сливались в ровный гул, гаснущий где-то под потолком. И, удобно устроившись в кресле, Лиза неожиданно почувствовала себя так спокойно и уверенно в этом роскошном зале, залитом золотым светом, что сама удивилась своему состоянию. Эта роскошь совсем не подавляла, а казалась естественной. Может быть, именно таким, располагающим, и был задуман весь этот интерьер – в далекое время, для давно исчезнувших людей?..

Лица посетителей за соседними столиками казались Лизе какими-то расплывчатыми пятнами. Она не могла не только запомнить их, но даже разглядеть; правда, особенно и не вглядывалась. Зато она внимательно смотрела на Виктора. Он-то какой, привычный обитатель этого нового мира?

На вид Виктору было около сорока, он был темноглаз и

темноволос, и прическа его выглядела так, словно он только что вышел из парикмахерской, хотя его волосы не были покрыты лаковой коркой, а лежали мягкой, аккуратной волной. Наконец-то Лиза уловила то самое «главное выражение» его лица, которое не далось ей сразу, – это было веселое спокойствие. Перед нею сидел человек, испытывающий удовлетворение от жизни, это было очевидно. Лиза не знала, почему сложилась у нее такая уверенность. Ведь на лице Виктора не отражалось сытое самодовольство – наоборот, в глазах его светился ум и интерес к происходящему. Но именно веселым спокойствием веяло от каждой черты его ухоженного лица, от того, как лежали его руки на белоснежной скатерти… Лиза впервые видела такого человека и такое выражение лица. Она вспомнила, как суетливо, с напускной уверенностью, держался Чигирь – единственный человек, с которым она была в ресторане, – и внутренне посмеялась над собой: нашла с кем сравнивать! Наверное, и ее, Лизино, неожиданное спокойствие связано именно с тем, что она пришла сюда с Виктором; скорее всего ей просто передалось его ощущение…

Пока Лиза разглядывала его, Виктор успел заказать аперитив. Лиза знала, что это такое, из западных романов. Интересно, как он выглядит? Высокий, изящный официант принес ей золотисто-оранжевый напиток в высоком бокале с трубочкой.

– Что это? – спросила Лиза.

– Для вас я заказал кампари с апельсиновым соком. Попробуйте, по-моему, вам должно понравиться.

Ему официант налил рюмку водки из маленького хрустального графина. Лизе понравилась приятная горчинка кампари, и она с удовольствием помешивала трубочкой звенящие в бокале льдинки.

Меню она, конечно, начала читать справа налево; цены ее просто потрясли. Ее мама, например, на всю свою зарплату могла бы заказать разве что скромную закуску.

Уловив ее замешательство, Виктор попросил:

– Лиза, пожалуйста, выбирайте то, что вам кажется вкусным. Как вы понимаете, раз уж мы здесь, цены не имеют особенного значения.

– Но я… Виктор, я просто не знаю, что здесь вкусно, а что нет, – слукавила Лиза. – Выберите лучше вы!

– Да? Ну, хорошо. Тогда, – обернулся он к официанту, – авокадо с креветками, моцареллу с помидорами, русские какие-нибудь закуски – что у вас свежее? Шашлык из осетрины – на горячее, кофе с большим мороженым, фрукты – потом. Пить – мне водку, девушке – белое вино.

«Ну конечно, он здесь завсегдатай – вон, даже меню не открыл», – подумала Лиза.

Она не могла понять: старается ли Виктор удивить ее или просто ведет себя так, как привык; в его поведении проскальзывало и то, и другое. А как едят авокадо?

Авокадо, как выяснилось, надо было есть просто малень-

кими ложечками. В сочетании с креветками и соусом этот овощ – или фрукт? – оказался так вкусен, что Лиза забыла легкое смущение собственной неумелостью. От прохладного белого вина, которое официант налил в сияющий, необычной формы бокал, Лиза почувствовала себя веселее. Лицо ее раскраснелось, прозрачные бисеринки пота выступили на лбу. Ей стало жарко, и она замешкалась: что делать, обмахиваться салфеткой?

– А вы снимите пиджак, Лиза, – посоветовал Виктор. – И вообще, делайте то, что вам удобно. Уверяю вас, это в любом случае будет выглядеть естественно.

Повесив пиджак на спинку кресла, она почувствовала себя совсем легко. Виктор ел неторопливо, с удовольствием и вместе с тем как-то незаметно. Видно было, что ему хочется поговорить с Лизой. И точно: едва она доела авокадо, он тут же отложил вилку и нож.

– Давно вы в Москве, Лиза? – спросил он.

Она посмотрела с удивлением.

– А откуда вы вообще знаете, что я не москвичка?

– Ну, это угадать еще проще, чем ваш возраст. По вашей провинциальности – поверьте, очаровательной, в самом лучшем смысле этого слова.

– Месяц уже.

– Вы здесь работаете или учитесь?

– Нет…

И Лиза рассказала ему историю своего появления в сто-

лице.

Виктор выслушал ее с интересом.

– Значит, в Новополоцк вы больше не вернетесь?

– Ну-у, этого я не говорила…

– Не вернетесь, тут и сомнений нет, – уверенно сказал он. – И правильно сделаете.

– Почему – правильно?

– А вы сами не понимаете? – Виктор, прищурившись, смотрел на нее.

– Я понимаю… – медленно произнесла Лиза. – Я понимаю, но объяснить не могу.

– Ничего, со временем разберетесь получше, спешить вам некуда, – успокоил ее Виктор. – И надо же было мне вас встретить, да еще при таких романтических обстоятельствах! Ведь я вас почти что спас от собаки, помните?

– Разве вы меня спасли? – удивилась Лиза. – По-моему, она ничего такого мне не сделала.

– А уж вам и жалко согласиться! Или вы хотели бы, чтобы я сражался ради вас с драконом, извлек вас из бурного потока? Вообще-то, по вашему виду – похоже…

– Нет-нет, – покачала головой Лиза. – Зачем же из потока?

– А потанцевать вы не хотите? – вдруг спросил Виктор.

Конечно, она хотела потанцевать! Она вообще любила танцевать, а сейчас голова у нее чуть-чуть кружилась от вина, и ей было весело, она чувствовала себя почти невесомой.

– Давайте потанцуем перед горячим. – Виктор уже вставал

из-за стола.

Оказывается, в зале уже давно звучала музыка, а Лиза и не замечала! Они прошли между столиками – туда, где мелькали танцующие пары. Лиза только сейчас заметила, что Виктор чуть-чуть полноват; отлично сидящий костюм очень стройнил его. Но танцевал он прекрасно, она сразу это поняла.

– Как хорошо вы танцуете, Лиза! – сказал Виктор, не отпуская ее талии, хотя музыка уже закончилась. – Еще один танец?

Она кивнула, музыка тут же зазвучала снова, словно в ответ на ее согласие, и Виктор повел свою даму легко и ритмично.

– Вы просто блещете разнообразными дарованиями, – сказал он, пробираясь с нею обратно к столику.

– Да какие же мои дарования вы успели увидать? – смеясь, поймала его на слове Лиза.

– И правда – значит, я просто предвосхищаю события! – засмеялся он в ответ. – Не сомневаюсь, что у вас масса всевозможных дарований. А сейчас – горячее! Люблю, грешный человек, вкусно поесть! Здесь еще помнят старую кухню.

Шашлык из осетрины принесли прямо на маленькой жаровне, и аромат от него шел такой, что у Лизы потекли слюнки, хотя минуту назад ей казалось: она так наелась, что больше и крошки не сможет проглотить. Шашлык таял во рту, истекал прозрачным соком, угольки под ним шипели и потрес-

кивали, и все это было так красиво, что переставало быть просто едой – для сытости, а становилось настоящим праздником. Наверное, это и имел в виду Виктор, когда говорил о своей любви ко вкусной еде.

Они с аппетитом принялись за горячее. Безмолвный официант подливал то вина Лизе, то водки – Виктору. Тот, если и пьянел, то совершенно иначе, чем привыкла видеть Лиза. Он не расплывался в кресле, не краснел как помидор, не начинал говорить сальные комплименты…

– А где вы работаете, Виктор? – вдруг спросила Лиза.

В ответ он засмеялся:

– Вот и видно, что вы не испорчены условностями! Лучше дождаться, пока собеседник сам об этом скажет. Я занимаюсь нефтяным бизнесом. Представляете себе, что это?

– Ну-у, примерно…

– Разумеется, и примерно не представляете. Но вам это и ни к чему.

– А это трудно?

– А сейчас, Лизонька, все трудно, даже сигареты продавать у метро. Во всем свои трудности, и в нефтяном бизнесе тоже. Хотя есть и приятные моменты.

Когда принесли мороженое, Лиза едва не захлопала в ладоши. В огромной вазе, переливающейся всеми цветами радуги, помещалось целое сооружение – тоже всех цветов радуги, украшенное свежими ягодами и ломтиками фруктов. На самом верхнем ломтике банана лежал кусочек мокро-

го сахара. Официант поднес к нему зажигалку, и над вазой взметнулось синее пламя.

Виктор любовался Лизиным восторгом.

– Честное слово, чувствуешь себя человеком, когда видишь, какую радость вам доставляют эти невинные удовольствия!

Лиза тут же смутилась. Действительно, ведет себя, как девчонка!

– Ну вот, – расстроился Виктор, – вы и принялись себя сдерживать. Зачем, Лизонька? Ведь вы Бога должны благодарить за то, что он дал вам способность радоваться. Уверяю вас, в этом зале не найдется ни одной женщины, которая удивилась бы или обрадовалась, если бы ей принесли хоть слона на блюдечке.

Вечер подходил к концу – хотя, конечно, Виктор не торопил ее. Они еще раз потанцевали, выпили кофе. Лиза сняла со спинки кресла свой пиджак.

– Лиза, мы можем еще остаться, если вы хотите, – предложил Виктор.

– Нет, зачем же? Уже поздно, Коля волнуется. Да и вообще, нельзя же делать вид, что праздник может продолжаться вечно…

Виктор промолчал. Официант положил на стол готовый счет; подписав что-то, Виктор протянул ему карточку и зачем-то – банкноту, достоинства которой Лиза не разглядела. Тот благодарно кивнул, на минуту исчез, потом появил-

ся снова и вернул Виктору карточку. Лиза с любопытством наблюдала за этими манипуляциями. Она поняла, что Виктор расплачивается кредиткой, но никогда не видела, как это происходит.

– Всего доброго, Виктор Станиславович, всегда вам рады! – произнес официант на прощание, и Виктор кивнул ему в ответ.

Машина стояла прямо у входа, как будто и не уезжала отсюда. Швейцар захлопнул дверцу, замелькали ярко освещенные зеркальные окна Тверской.

Лизе стало грустно, как будто сейчас часы пробьют полночь и хрустальная туфелька упадет с ее ноги. Виктор время от времени бросал на нее короткие взгляды, его глаза поблескивали в полумраке машины. Ей показалось, что до Крылатского они домчались в одно мгновение.

Провожая Лизу от машины до подъезда, он дотронулся до ее руки:

– Спасибо, Лиза, вы подарили мне чудесный вечер.

– По-моему, это вас надо благодарить за него.

Наверное, лицо у нее было такое расстроенное, что Виктор добавил:

– Я надеюсь встретиться с вами в самое ближайшее время. И непременно вам позвоню. А кстати, вот моя визитка, звоните и вы. Спокойной ночи, Лизонька!

Одновременно со стуком подъездной двери она услышала звук отъезжающего автомобиля и только в это мгновение

подумала: а ведь он даже не попытался ее поцеловать – простился, как будто все, что он сделал сегодня для нее, само собою разумеется! Эта мысль так удивила Лизу, что она остановилась у открывшегося лифта. Сегодняшний вечер заставил ее забыть о том, что на самом деле в жизни все бывает иначе. Виктор мало походил на сказочного принца, но вел он себя именно так – свободно, великодушно и внимательно.

«А почему я удивляюсь этому? – спросила она себя. – Может, так оно и должно быть, и я напрасно думаю, будто знаю, как оно бывает по-настоящему?»

Ей было весело и легко. Даже грусть, возникшая в конце вечера, улетучилась после прощальных слов Виктора.

Она взглянула на визитку, которую так и держала в руке. На ней было вытеснено: Третьяков Виктор Станиславович, нефтяная корпорация «РосОйл», президент.

Лиза тихо открыла дверь квартиры, вошла, стараясь не стучать каблуками. Но Николай, конечно, не спал и тут же вышел ей навстречу.

– Ну ты и гуляешь! И ведь не знаешь, куда бежать, где тебя искать! – Он старался казаться спокойным, но видно было, что он волновался.

– Коля, не волнуйся, правда! Все было так прекрасно, ты себе просто не представляешь! – Лицо Лизы светилось, ее тщательно уложенные волосы слегка растрепались и в приглушенном вечернем свете сияли серебристым облаком.

Николай невольно залюбовался сестрой – такой юной и

прелестной выглядела она сейчас.

– Чай пить будешь?

– Да ну, какой чай! Знаешь, где я была?

Подробный Лизин рассказ совсем не привел Николая в восторг. Наоборот, он встревожился.

– Говоришь, он президент нефтяной компании?

– Да. Хочешь, посмотри визитку.

– Да визитка-то ладно. Просто я неплохо знаю, что такое нефть. Это такое опасное дело, Лиза, что лучше держаться от него подальше! И от нефтяных королей – тоже, особенно тебе.

– Почему же мне особенно?

– Почему-почему! Да потому что ты доверчивая, а эти люди – совсем другие, и доверять им нельзя.

Лиза обиделась на брата.

– Ты меня, видно, совсем дурочкой считаешь! Думаешь, я вообще ничего не понимаю в людях?

– Может быть, и понимаешь, только не в этих. Они ведь другие, Лиза, понимаешь? Ну как тебе объяснить! – Николай с трудом подбирал слова, чтобы не напугать ее и вместе с тем объяснить то, что знал сам. – Они постоянно играют в такие жестокие игры, что этого даже святой не выдержит. А святых среди них вообще-то не много.

– И что же ты мне предлагаешь делать? – спросила Лиза расстроенным голосом. – Скрываться от него, когда он позвонит?

– А ты уверена, что он позвонит?

– Ну, он обещал…

– Скрываться, конечно, не надо, но, если он не позвонит, я бы на твоем месте не очень расстроился. И на своем тоже…

Глава 5

Лиза уже думала, что Николай оказался прав: Виктор не звонил так долго, что она дала себе слово забыть о нем. В самом деле, ну что ей до этого человека? – убеждала себя Лиза. Подумаешь, поразил ее дорогостоящим вечером! Разве она влюбилась в него? Нет, в этом Лиза была уверена. Тогда почему же она так бросается к телефону на каждый звонок и испытывает такое разочарование, когда просят Колю или Андрюшку?

Ее московская жизнь постепенно приобретала те очертания обыденности, которые приобретает любая жизнь, когда она течет равномерно. Лиза по-прежнему много гуляла с Маринкой, проверяла Андрюшкины уроки, даже была однажды на родительском собрании в его гимназии. И старательно убеждала себя в том, что вот так и должна проходить ее жизнь, что это и есть ее нормальное течение. Но, сидя с Маринкой на той самой лавочке неподалеку от обрыва, она невольно приглядывалась к прохожим…

Николай видел, что сестра ждет появления своего недавнего знакомого, и не знал, радоваться или расстраиваться, если он все-таки появится. С одной стороны, жаль ее, конечно – все сидит одна! А с другой – не для нее такое знакомство, в этом Николай был убежден. Еще не хватало его Лизе оказаться связанной с мафиози – а в том, что весь неф-

тяной бизнес – крутая мафия, он не сомневался. Надо, пожалуй, пригласить в гости каких-нибудь неженатых друзей, пусть лучше с ними познакомится, решил он.

Но друзей приглашать не пришлось. Виктор все-таки позвонил, и, придя однажды с работы пораньше, Николай сразу понял это по взволнованному, смущенному Лизиному лицу.

– Чего ж он так долго молчал, твой миллионер? – поинтересовался он, не задавая лишних вопросов.

– Говорит, в командировке был опять… Он извинялся, – объяснила Лиза.

– Да? Ну что ж, бизнес есть бизнес.

– Он меня опять приглашает…

– Когда?

– Прямо сейчас. Я тебя ждала, чтобы уйти.

Конечно, Лиза совсем не обязана спрашивать его, можно ли ей пойти куда-то с любым кавалером, и все же Николая сердило, что у нее есть какая-то совсем не известная ему жизнь, что она смотрит на него отсутствующими глазами и вся уже находится где-то там, где ее мало ли что еще ждет. Пожалуйста, даже не дождалась его ответа, побежала платье выбирать!

Когда за Лизой захлопнулась дверь, Николай подошел к окну на кухне, которое выходило во двор. Конечно, вот и лимузин у подъезда – именно такой, как он и ожидал, – и шофер за рулем, и телохранитель на переднем сиденье. Он проводил машину взглядом и отошел от окна. Что поделаешь?

Объяснив свое отсутствие по телефону, Виктор уже не стал делать этого при встрече. И на этот раз он уже не спрашивал о Лизиных планах, просто сообщил:

– Знаете, Лиза, у меня билеты в театр – в Ленком, слышали про такой? Там «Гамлет» сегодня, я подумал, вам должно понравиться. Вы ведь наверняка любите все серьезное?

– А вы не любите? – спросила Лиза.

– Да любил когда-то, но и не слишком серьезное, и так давно, что уже успел забыть об этом. Жизнь не располагает. Но с вами я с удовольствием посмотрю и «Гамлета». – И он сделал успокаивающий жест рукой в ответ на готовые сорваться у Лизы возражения.

Они приехали в театр к самому началу спектакля. Хорошо еще, что успели, а не приди сегодня Коля пораньше?

Лиза сразу обратила внимание, что рядом с шофером сидит еще какой-то мужчина, который спокойно кивнул в ответ на ее «здравствуйте» и не произнес за всю дорогу ни слова. Ей неловко было спросить Виктора, кто это едет с ними. Теперь этот странный спутник прошел вслед за ними в директорскую ложу и сел у них за спиной. В ложе они были втроем. Спектакль уже начинался, и Лиза не выяснила у Виктора, какое отношение имеет к нему этот человек.

Спектакль понравился Лизе. Она читала «Гамлета» и не очень любила эту пьесу. «Ромео и Джульетта» куда лучше! Ей казалось странным все поведение героев, их сомнения и непонятные поступки. И вдруг все получило здесь, на сцене,

совсем неожиданное объяснение. Все это оказалось обыкновенной историей о друзьях детства, о неожиданном предательстве старой дружбы, и это становилось ясно уже в первом действии! И, конечно, ее любимые актеры – Абдулов, Збруев, Чурикова! Лиза так увлеклась тем, что происходило на сцене – к тому же там было очень красиво из-за роскошных костюмов, каких-то разноцветных дымов, которые вились повсюду, – что совсем не обращала внимания на публику.

Только в антракте она обернулась к Виктору. Глаза ее блестели.

– Вам понравилось?

– А? – словно очнулся он. – Да, ничего. Красиво, только шумно уж очень.

Лиза заметила, что он думает о своем и не слишком обращает внимание не только на сцену, но и на нее. Его безразличие показалось ей обидным. Зачем тогда приглашать ее, если занят своими мыслями? Как это отличается от того оживления, внимания, которые он источал в прошлый раз!

Лиза отвернулась и принялась от нечего делать изучать публику, оставшуюся в зале во время антракта. Правда, таких было не много: почти все пошли в буфет.

– Выпьем что-нибудь? – предложил ей Виктор. – Можно, кстати, и поесть, здесь вообще буфет неплохой, говорят. Пойдемте, проверим. Или лучше сюда что-нибудь заказать?

– Нет-нет, конечно, пойдемте! – обрадовалась Лиза.

Виктор быстро сказал что-то их спутнику, и тот вышел прежде них.

Лиза вообще мало бывала в театрах – по пальцам можно было пересчитать все спектакли, которые она видела, когда приезжала на каникулы к брату, – а здесь и вовсе была впервые. Публика прогуливалась по фойе, и Лиза принялась с интересом разглядывать людей. Кто ходит на «серьезные», как сказал Виктор, спектакли? Наверняка это самые выдающиеся люди в Москве. Лиза догадывалась, что не только в Новополоцке, но даже и здесь «Гамлет» – не самое массово любимое произведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.